ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Проф. Н. П. Огановский.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО, ИНДУСТРИЯ И РЫНОК В XX ВЕКЕ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО В. С. Н. Х.
Москва 1924 года.

Главлит № 25.084. Москва. Тираж. 4000.
Мосполиграф. 27 типография „Красная Печать". Остоженка, 10.

ГЛАВА I.

Проблема организации народного хозяйства.

Преимущества двустороннего типа народного хозяйства.

Рациональная организация народного хозяйства для стран с большой территорией и разнообразием природных богатств требует гармонического сочетания главных его отраслей: сельского хозяйства, индустрии, рынка и транспорта. Без соответствующей организации транспорта и перерабатывающей и консервирующей сел.-хоз. сырье индустрии сильно затрудняется выход сел.-хоз. продуктов на рынок внешний и внутренний, а без развития рынка нормальная сел.-хоз. эволюция в XX веке для стран аграрного типа или близких к ним—невозможна.

В конце XIX и в начале XX века наиболее быстрая и широкая с.-х. эволюция наблюдалась в Соед. Штатах Америки. Эволюция систем сельского хозяйства в С. Шт. с самого начала строилась на основе развитых путей сообщения. С.-х. индустрия С. Шт. настолько развита, что экспорт не только скоропортящихся грузов (мяса, масла, яиц, овощей, фруктов) производится в консервированном виде или в охлажденном состоянии, но даже продовольственные хлеба в значительной части отправляются за границу в виде муки. В таком же виде эти продукты поступают и на внутренний рынок. Рыночность с.-х. продукции Америки и Австралии значительно выше рыночности других стран аграрного или смешанного типа.

В сфере сельско-хозяйственных отношений рациональная организация территории на основе развитой дорожной сети предшествовала современному развитию сельского хозяйства.

Параллельное развитие животноводства на ряду с земледелием немыслимо без развития соответствующих отраслей индустрии, перерабатывающей мясо, молоко и проч. скотоводческие продукты. Если у нас до войны было 103 гол. скота на 100 десятин посева, а в Соединенных Штатах (в 1920 г.)—212 гол., т.-е. относительно вдвое больше, то это потому, что мясная индустрия в Соединенных Штатах

давала в 1915 г. продукцию, оцениваемую в 1370 мил. долларов; число вагонов-холодильников достигало 140 тыс. (у нас до войны 3 тыс). Экспорт мясо-продуктов из Соединенных Штатов оценивался в 643 мил. дол. (1919-20 гг.), в то время, как вывоз пшеницы и муки—в 579 мил. долларов. Из России же, в период под'ема народного хозяйства (1911-13 гг.) пшеницы вывозилось на 240 мил. руб., а мясо-продуктов только на 8 мил. руб. Отсюда ясен двусторонний тип эволюции сельского хозяйства, опирающийся на развитие с.-х. индустрии, и односторонний тип эволюции земледельческого, преимущественно зернового хозяйства России, создавшийся в значительной мере отсутствием или недостаточным развитием соответствующих отраслей индустрии.

До второй половины XIX века, когда мировое хозяйство еще только начинало строиться заново на основе возникающего парового транспорта, все страны мира делились по хозяйственным типам на две резко очерченные группы: небольшого количества стран, преимущественно промышленного типа, которые господствовали на мировой арене и большинства стран аграрного типа, игравших подчиненную роль, как продовольственная и сырьевая база для промышленных стран. Страны смешанного двустороннего типа—аграрно-индустриальные старой латинской культуры—Франция, Италия, Испания—отходили на второй план, вытесняемые с мировых путей индустриальными странами, во главе которых стояла владычица морей—Великобритания; но с развитием мирового хозяйства, со второй половины XIX столетия начинается усиленная индустриализация большинства стран Западной Европы, перекидывающаяся за океан. С 1870—90-х гг. начинает индустриализоваться и Россия. В XX веке, благодаря этой всеобщей индустриализации, быстрее развивающиеся экономически аграрные страны, как Германия, превращаются в промышленные; другие—как Соединенные Штаты на дальнем западе и Япония на Дальнем Востоке, а также ряд других более мелких—Дания, Швеция, Голландия, Швейцария и проч. превращаются в страны двустороннего хозяйственного типа.

Перед войной двусторонние аграрно-индустриальные страны уже обгоняли по своей территории и количеству населения односторонние промышленные страны: так в 4 промышленных странах (Германии, Англии, Бельгии, Австрии) на площади в 900 тыс. кв. в. находилось 147 мил. жителей, а в 9 смешанных аграрно-индустриальных — на 11.200 тыс. кв. в.—288 мил. жителей. Из этих последних — республика Соединенных Штатов оказалась выигравшей в мировой войне, затеянной соперничеством двух главных промышленных стран, и заняла сейчас первое место в мировом хозяйстве: при 5% всего населения земного шара она производит теперь 25%

мирового сбора сел.-хоз. продуктов, 40% минералов, 34% промышленных изделий. Мировая война показала, что в настоящее время, при ожесточенной конкуренции односторонне-развивающихся западно-европейских промышленных стран, для которых мировой рынок сбыта фабрикатов суживается все более и более процессом всеобщей индустриализации, наиболее выигрывают те страны, в которых сельское хозяйство и индустрия находятся в более или менее устойчивом равновесии, т.-е. страны двустороннего типа хозяйственного развития.

Такой тип обладает следующими основными преимуществами:

1) На мировом рынке крупная аграрно-индустриальная страна, экспортируя одновременно с.-х. продукты и промышленные товары, ведет торговлю и с промышленными странами, нуждающимися в с.-х. продуктах, и с аграрными, ощущающими потребность в фабрикатах. Так, Соединенные Штаты Америки кормят европейские промышленные страны и снабжают своими товарами аграрные страны южной Америки, Азии и океанских островов, получая оттуда сырье, а из Европы—нужные орудия и товары. Очевидно, что обладающая большими естественными ресурсами и техникой страна двустороннего типа сможет завоевать себе гораздо большее место на мировом рынке, чем односторонняя промышленная или аграрная, которая связывается с внешним рынком только в одном направлении.

2) Внутреннее хозяйственное развитие такой страны при прочих равных условиях происходит значительно быстрее, чем у стран одностороннего типа, ибо между городом и деревней, индустрией и сельским хозяйством существует тесная взаимная связь. Города и промышленные районы такой страны получают продовольствие и сырье из с.-х. районов, а эти последние — товары и орудия производства из промышленных районов. Географическое разделение труда внутри большой страны есть основа для убыстренного всестороннего развития ее производительных сил.

3) В случае таких великих потрясений, как мировая война, или при разрыве экономических сношений, страна двустороннего типа оказывается гораздо более устойчивой, чем односторонняя, ибо она опирается на пропорциональное развитие отраслей промышленности и сельского хозяйства, подобно человеку, стоящему твердо на двух ногах; тогда как страны одностороннего типа оказываются в весьма затруднительном положении, не будучи в состоянии удовлетворить свою потребность в продукции отсутствующих или недостаточно развитых отраслей.

В мировом хозяйстве положение и хозяйственный тип отдельных стран меняются в сравнительно короткие промежутки времени. Уже до войны, когда за 40 последних лет (1870—1910) городское население Соед. Штатов выросло на 430%, а сельское—всего на 67%,—вывоз хлеба оттуда стал резко падать, а местное потребление—соответственно возрастать. Так, производство, потребление и экспорт главного товарного хлеба всего мира изменились в Соед. Штатах за первые 10 лет XX века следующим образом:

(В миллионах бушелей).

	Производство.	Внутреннее потребление.	Экспорт за границу.	% экспорта к производству.
1901 г.	522	306	216	41
1911 г.	636	567	69	11

В 1901 г. за границу вывозилось 41% всей суммы производства пшеницы в стране, в 1911 г.—только 11%.

Колоссальное накопление капиталов в результате мировой войны повело к еще более быстрому процессу индустриализации и новому сокращению вывоза пшеницы, сильно возросшего за время войны. В последней четверти 1923 г. мы наблюдаем в Соед. Штатах впервые за все время истории пассивный торговый баланс. Это показывает, что уже началось превращение Соед. Штатов в страну одностороннего промышленного типа, хотя сельское хозяйство, конечно, будет еще долго играть там существенную роль.

Значение рынка и индустрии в России.

В XX веке до войны место, оставленное Соединенными Штатами на мировом хлебном рынке, заняла Россия; — и в настоящее время Россия шаг за шагом отвоевывает на мировом рынке свое прежнее место и положение. Но занятие на рынке довоенного положения, однако, не даст нам еще России, как узко-односторонней, не только сельско-хозяйственной, а чисто земледельческой стране со слабо развитым скотоводством, возможности быстрого поступательного развития столь упавших за последние годы производительных сил. Это не даст нам самостоятельного положения в мировом хозяйстве. Мы не сможем диктовать цены на хлеб на европейском рынке, как не диктовали их до войны, когда их устанавливали для нас Берлин и Лондон. Мы будем много терять и благодаря недостатку элеваторов, слабости транспорта; и прекрасное по природным свойствам, с-х. сырье так же, как и хлеб, без соответствующей переработки, хранения, сортировки и упаковки будет попрежнему цениться на европейских рынках ниже, чем в других странах. Орудия и товары придется получать из-за границы. Отсюда

вытекает то основное положение, что наиболее желательный экономический тип развития для нашей страны—есть тип двусторонней народно-хозяйственной эволюции, т.-е. пропорционального роста индустрии и сельского хозяйства, а также торговли и транспорта, как отраслей, являющихся главным „мостом" для смычки города и деревни—внутри страны и спайки России,—в целом, с мировым хозяйством—вне ее.

Опыт истекших лет показал, в чем именно заключается зависимость городов и индустрии от сельского хозяйства и, наоборот, в каких отношениях деревня и сельское хозяйство связаны с городом.

Городское индустриальное население нуждается, во 1-х, в достаточных запасах продовольственных средств, при чем потребляемые городом продукты обычно более высокого качества, чем потребляемые деревенским населением, почему развитие городов стимулирует не только количественный, но и качественный под'ем сельского хозяйства.

Во 2-х, индустрия, которая у нас на $^2/_3$ базируется на переработке с.-х. сырья, пред'являет возрастающий спрос на это сырье, т.-е. на продукцию технических растений, являющуюся основой интенсификации земледелия.

В 3-х, индустрия в нашей аграрной стране до войны большую половину своих фабрикатов сбывала в деревню. Современный кризис сбыта нашей промышленности, главным образом, зависит от слабой покупательной способности крестьян.

В 4-х, деревня поставляет городу избыточные рабочие руки.

Итак, зависимость города от деревни заключается в 4-х моментах: продовольственном, сырьевом, рыночном и рабочем.

В свою очередь, сельское хозяйство деревни связывается с городом неразрывными экономическими узами. Наиболее отчетливо зависимость деревни от города проявляется тогда, когда сельскохозяйственная эволюция доходит до последнего фазиса—фазиса интенсивной агрикультуры.

В экстенсивном фазисе земледелия сельский хозяин производит, главным образом, продовольственные зерновые хлеба в относительно небольших количествах, так как урожаи в этом фазисе низки. При незначительных земельных участках, как это было в большинстве районов России в конце XIX века, крестьянство производило продукты на $^3/_4$ для собственного пропитания и с рынком было связано мало. Но экстенсивное земледелие при разростании населения неизбежно приводит к истощению почвы, вызываемому чрезмерными запашками без соответствующего удобрения. В конце-концов площади посевов начинают сокращаться, урожаи падают, наступают

голодовки, пауперизация, что происходило в аграрных странах Европы в начале XIX века и в конце его у нас.

Два средства имеются для выхода из аграрного кризиса—выселение из деревень всей массы избыточного населения и переход к интенсификации сельского хозяйства, которая восстанавливает и даже повышает естественное плодородие почвы и в то же время сильно увеличивает продукцию единицы сельско-хозяйственной площади. Но выселение из деревень и интенсификация в сильнейшей степени связаны с развитием города и индустрии, ибо наиболее широкий выход избыточное население находит в городах; даже в таких странах, как Россия, при господстве натурального хозяйства по переписи 1897 г. в города эмигрировали 4.128,8 тыс чел.—44,1%, в сельские местности—5.239,9 тыс. чел —55,9% всех постоянных переселенцев. В большинстве европейских стран аграрный кризис был ликвидирован именно ростом городов, поглотивших не только все избыточное население деревни, но в индустриальных странах (Англии, Германии, Бельгии) и часть прежнего коренного населения деревни.

Что касается интенсификации, то какие бы рациональные меры для перехода к ней ни рекомендовали агрономы,—пока рынок не пред'явит определенного спроса на продукты интенсивной агрикультуры,—до тех пор крестьянство не будет интенсифицировать свое хозяйство, ибо ясно, что лен, сахарная свекла, картофель, подсолнух и т. д. будут производиться крестьянами в больших количествах только при выгодном сбыте этих продуктов; сбыт же обусловлен ростом городов и развитием соответствующих отраслей индустрии, перерабатывающих с.-х. сырье.

С другой стороны, интенсификация требует усовершенствованных с.-х. машин, искусственного удобрения и развитого транспорта, холодильников, элеваторов, кредита, наконец, распространения с.-х. знаний в крестьянстве,—словом, всего того, что только город, индустрия и накопленные в городах финансовые средства и культура могут дать деревне.

Отсюда очевидно, что без развития обмена производимыми благами—интенсификация сельского хозяйства в странах умеренного пояса абсолютно невозможна.

Но и для экстенсивного земледельческого хозяйства, раз только в нем сумма производимых продуктов превышает собственные натуральные потребности, рынок является также необходимым Главные поставщики хлеба и мяса на мировой рынок—экстенсивные заокеанские страны, где малейшие колебания спроса и предложения в мировом хозяйстве отражаются волнами под'ема и падения на с.-х. производстве. Достаточно вспомнить, как во время мировой войны, когда блокированная Россия выпала из мирового рынка, в Соединенных Штатах, Канаде, Аргентине быстро расширились

посевные площади и возросло количество скота. Теперь, с восстановлением европейского земледелия при сократившейся емкости рынка средней Европы, американские фермеры переживают жестокий кризис обесценения с.-х. продуктов, заставляющий их бросать насиженные места и возвращаться в города.

Тоже самое и у нас в районах Черноморско-Каспийского кольца—Новороссийском, Нижне-Волжском и на Сев. Кавказе, где посевные площади росли быстрее населения в конце XIX века и в начале XX века, где на каждую душу сельского населения приходилось по 1,5 дес. посева и по 60—75 пудов валового сбора, тогда как в остальной России в 2—3 раза меньше. Это необычайно быстрое развитие хищнического зернового хозяйства, основанное на производстве почти исключительно двух злаков—пшеницы и ячменя—явилось результатом мощного расширения внешнего рынка, и с его уничтожением эти районы стали деградировать раньше и сильнее, чем все остальные.

Итак, наблюдавшаяся в XX веке тенденция западных и центральных районов России к интенсификации и широкое развитие зернового хозяйства на юго-востоке—все эти процессы не могли бы иметь места без развития меновых отношений между городом и деревней, каковое, в свою очередь, обусловливается ростом городов и индустриализацией страны.

Превращение России в страну двустороннего типа.

Что в России до войны происходила несомненная индустриализация народного хозяйства и рост рыночности, видно из следующих данных: по С. Н. Прокоповичу процентные отношения доходности основных отраслей народного хозяйства с 1900 по 1913 г. изменились таким образом:

	% народного дохода.	
	В 1900 г.	В 1913 г.
От сельского хозяйства, лесоводства, рыбоводства	54,9	49,7
От промышленности, торговли и транспорта	45,1	50,3

Произошла перегруппировка народного дохода в сторону промышленности и торговли, относительное значение которых увеличилось на 12%.

Ежегодный рост продукции промышленности исчислялся в 4,3%, сельского хозяйства—2,6%, торговли—4,7%.

В современный период процесс всеобщего восстановления народного хозяйства России только еще начался. В предыдущее 8-летие 1914—1921 г.г. промышленность упала сильнее сельского хозяйства, и в прошлом году ее продукция

равнялась 35% довоенных, тогда как сельское хозяйство—почти 70%. Однако, темп возрождения индустрии за последних 2 года идет вдвое быстрее, чем сельского хозяйства. Так, в 1922—23 гг. продукция промышленности увеличилась сравнительно с 1921—22 гг. на 42%, а в 1923—24 гг. по имеющимся данным она возрастает не менее, чем на 20—22%, размеры же посевных площадей расширились в 1923 г. на 19,7%, а в 1924 г. ожидается их увеличение всего на 9,5%.

Если же мы сравним отношения к довоенному периоду, то увидим, что за 2 указанных года рост промышленности определился кругло в 10 и 7%, а посевов—в 13 и 7%; но, принимая в соображение, что скотоводство возрождается пока в 2 слишком раза медленнее земледелия, мы можем сделать тот вывод, что не только относительно, а и абсолютно темп восстановления индустрии идет более быстро, чем сельского хозяйства.

Итак, в России, как и в других странах, вовлеченных в мировое хозяйство, происходит процесс индустриализации, который в конечном счете должен превратить ее из аграрной в страну двустороннего народно-хозяйственного типа. Чем скорее будет совершаться это превращение, тем полнее и шире развернется эволюция производительных сил страны. Поэтому сознательные организационные усилия государства и народа должны быть направлены именно в эту сторону, а так как потребное для индустриализации накопление капитала создается первоначально рыночным оборотом, то ставка на максимальное развитие рыночности, в особенности сельского хозяйства, есть первоочередная задача ближайшего периода.

Тем не менее, ставя своим идеалом превращение России в страну двустороннего хозяйственного типа, посредством ее индустриализации, не следует забывать, во 1-х, что сельское хозяйство еще долгое время будет-являться основной и главнейшей отраслью народного хозяйства России.

Во 2-х, что индустриализация и развитие рыночности у нас в значительной части своей не могут явиться изолированными самодовлеющими процессами, а должны находиться в тесной связи с процессами развития самого сельского хозяйства, а также с рациональной его организацией (в сторону форсирования животноводства и интенсивных культур).

ГЛАВА II.

Период под'ема сельского и народного хозяйства России до войны (1900—13 г.г.).

Общий рост народного и сельского хозяйства.

Когда человек поднимается по горе, как бы высока она ни была,—он не в состоянии определить ее размеры. Только добравшись до вершины, или отойдя от этой горы в долину на известное расстояние, позволяющее охватывать ее взором от основания до вершины,он способен оценить ее величину.

То же самое происходит и с историческими фактами и с процессами народно-хозяйственной жизни: только отойдя от них на известное расстояние во времени, мы сможем установить их размеры и значение в жизни народных масс и в мировой истории. И наша революция будет оценена по достоинству лишь через несколько десятков лет.

Поэтому и эпоху народно-хозяйственного под'ема в России в XX веке до войны мы начинаем оценивать только теперь: только теперь мы сможем об'ективно установить ее главнейшее значение, и эта оценка представляет для нас не только теоретический интерес, но и имеет большое практическое значение, так как наша эпоха будет эпохой еще большего творческого под'ема производительных сил страны

Для определения размеров под'ема всего народного хозяйства страны в его целом—есть два признака-измерителя, именуемых фокусными, т-е. сосредоточивающих в себе, как в фокусе, всю сумму показателей состояния народного хозяйства. Первый из этих признаков—национальный доход, второй—перевозки по железным дорогам и водным путям.

Кое-какие сведения за период 1900—13 г.г. у нас имеются по обоим признакам. С. Н Прокопович сделал в 1917—18 гг., хотя грубый и далеко неточный „Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России" в 1900—13 г.г. В итоге этого исчисления у него получились следующие валовые цифры (в мил. довоен. руб.).

КАТЕГОРИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.	В 1900 г. (По ценам 1900 г.).	По ценам 1913 г.	1913 год. Увеличение в %%.	По ценам 1900 г.	Увеличение в %%.
Сельское хозяйство . .	2985,1	5630,2	+ 88,5	3995,0	+ 33,8
Лесоводство и рыболовство	626,2	730,0	+ 16,6	598,4	— 4,3
Промышленность . . .	1402,2	2566,6	+ 83,0	2282,3	+ 62,3
Транспортное дело . .	531,2	1056,1	+ 98,9	803,5	+ 51,4
Строительное	473,1	842,7	+ 78,1	703,8	+ 48,8
Торговля	561,9	981,0	+ 74,6	787,4	+ 40,7
ВСЕГО . .	6579,7	11805,6	+ 79,4	9170,3	+ 39,4

Так как в промежуток между 1900 и 1913 г.г. цены на продукты значительно возросли, то, если взять цены двух исследуемых годов 1900 и 1913 г., общий под'ем народного дохода определяется за эти 13 лет в 79,4%; если же оценить продукцию 1900 и 1913 г. по одним и тем же ценам 1900 г., (что дает возможность установить реальное увеличение суммы произведенных материальных благ), то размеры под'ема определяются в 39,4%, т.-е кругло в 3% ежегодно, что вдвое превышает естественный прирост населения страны, равный $1^1/_2$% ежегодно.

Следует еще отметить, что на окраинах: на Сев. Кавказе, в Закавказьи и в Сибири, на Дальнем Востоке и в Туркестане в этот период рост народного дохода происходил убыстренным темпом; так, напр., в Сибири посевные площади увеличивались на 8% в год, на Сев. Кавказе—на 5%, грузооборот по Сибирской жел. дороге за 1900—1909 г. увеличился впятеро, впятеро же за 8—9 предвоенных лет выросло Туркестанское хлопководство и т. д. Население этих окраин росло также вдвое быстрее, чем в Европейской России. Вот почему мы полагаем, что общая сумма условно-чистого национального дохода всей страны в предвоенный период должна была возрастать не менее, чем на 4% ежегодно, т.-е. быстрее. чем в Западной Европе, хотя медленнее, чем в Америке. Однако, на душу населения он был и в 1913 г. в 2—4 раза меньше, чем в Западной Европе.

Как мы видим из приведенных цифр, если сравнивать по ценам 1900 года, т.-е. брать темп прироста чистой продукции, то на первом месте по быстроте этого темпа окажется индустрия (+ 62,8%), на втором—транспортное дело (+ 51,4%), а сельское хозяйство (+ 33,8%) на предпоследнем. Что в России, как и во всех культурных странах, рост индустрии обгонял под'ем сельского хозяйства,—это несомненно и может быть доказано еще усиленным ростом городов: городское население в России в эту эпоху росло почти втрое быстрее сельского. Все же и общая производительность

сельского хозяйства у нас интенсивно развивалась, во всяком случае, быстрее, чем в Зап. Европе. Но самое главное—росла, как теперь говорят, „смычка“ деревни с городом, выражающаяся конкретно в расширении товарности сельского хозяйства. Размеры усиления товарности сельского хозяйства определяются более или менее точно увеличением перевозок сельско-хозяйственных грузов по железным дорогам.

Если мы возьмем данные об экспорте за границу и о жел.-дор. перевозках с.-х. грузов за периоды 1901—05 и 1911—13 г г. и оценим их по довоенным ценам, то получим такую картину эволюции рынка:

Стоимость в довоенных рублях (миллионы).

Цены 1911—13 г.г.

	Всех перевозок			Экспорта за границу		
	1901—05	1911—13	Рост в $0/0^0/_0$.	1901—05	1911—13	Рост в $0/0^0/_0$
Зерна, муки, отрубей	1132	1554	137	447	596	133
Продуктов интенсив. землед. .	586	912	159	139	253	182
Скота и его продуктов	569	754	131	115	277	241
В С Е Г О . . .	2297	3220	140	701	1126	161

По весу общее количество отправленных с.-х. продуктов в среднем за 10 лет выросло на $40^0/_0$. Следовательно, ежегодное фактическое приращение—$4,0^0/_0$, а по стоимости (благодаря росту цен)—около $7^0/_0$. Рост грузооборота по железным дорогам можно считать достаточно точным показателем развития рыночных отношений в сельском хозяйстве. Поэтому, по приведенным цифрам можно заключить, что рыночность нашего сельского хозяйства возрастала в XX веке лишь немногим слабее промышленного производства (последнее на $4,8^0/_0$ ежегодно).

Эта близость показателей роста индустрии и рыночной доли сельского хозяйства сама по себе доказывает, что обе основные отрасли народного хозяйства находились в тесном взаимодействии И действительно, по расчетам П. И. Попова [1]), две трети продукции нашей индустрии потреблялось сельским населением. В свою очередь и сельско-хозяйственное производство работало на город и индустрию в большей мере, чем это обыкновенно полагают. Из только что приведенной таблицы видно, что общая стоимость грузооборота сельско-хозяйственных продуктов составила в 1911—13 г. 3220 мил. руб.

---

[1]) См. статью: „Народно-хозяйственная связь сельского хозяйства с промышленностью“. Сборн. „На новых путях“ вып. III, стр. 191.

Но в эту цифру не входят: а) исключительно водные перевозки и прямой экспорт за границу, помимо железных дорог, б) гужевой подвоз сельско-хозяйственных продуктов из ближайших сельских местностей в города, в) внутри-крестьянский товарооборот сельско-хозяйственных продуктов между нижними и верхними слоями крестьянства, из которых первые покупают, а вторые им продают нужные продовольственные припасы.

Водные перевозки в 1909 - 13 г.г. составили (отправление грузов):

Хлебных грузов	335,0	мил.	пуд.	на	сумму	459,7
Крупы и пшена	10,2	„	„	„	„	—
Семени льняного	3,1	„	„	„	„	4,6
Льна, кудели и пакли. . . .	1,4	„	„	„	„	4,8
Хлопка	1,6	„	„	„	„	16,0
Всего с.-х. грузов.						485,1

Местный и внутри-крестьянский рынок составили, вероятно, большую сумму, какую—сказать, конечно, трудно, но, судя по крестьянским довоенным бюджетам, внутри-крестьянский оборот с.-х. продуктов составлял для одних зерновых хлебов 600—700 мил. пуд. на сумму (по 78 коп. за пуд) до 500 мил. руб. Принимая в соображение оборот остальных с.-х. продуктов и базарную торговлю в городах, мы, во всяком случае, не ошибемся в сторону преувеличения, если оценим оборот сельско-хозяйственных продуктов на местных рынках в городах и селах, помимо железных дорог и водных путей, кругло в 900 миллионов. Тогда общая сумма всего оборота с.-х. продуктов (без фабрикатов) будет около 4,5 миллиардов на территории бывшей империи.

По территории нынешнего Союза ССР, по нашим специальным исчислениям, стоимость сельско-хозяйственных продуктов, обращавшихся на рынке, равнялась:

На внешнем и внутреннем междурайонном. . . .	3220 мил.
На внутреннем (крестьянском)	740 „
ВСЕГО	3960 мил.

Валовой доход от сельского хозяйства на той же территории за 1911—13 г.г. составил (по довоенным ценам):

От зерновых хлебов	3305	мил.	руб.
От технических и интенсивных культур . . .	727	„	„
От садоводства, огородничества и виноградарства	659	„	„
От кормовых продуктов (за вычетом потребления натурой).	161	„	„
От скотоводства и птицеводства	1970	„	„
По 3 окраинам (Закавказье, Туркестан, и ДВО)	883	„	„
ВСЕГО.	7705	мил.	руб.

Вес валовой доход от всего народного хозяйства по Прокоповичу равнялся 16400 миллион. рублей; если из него мы вынтем доход от отошедших областей, составляющий примерно (по количеству населения) около 18%, то получим 13.450 мил. руб. для территории СССР.

Следовательно, доход от сельского хозяйства составил накануне войны 57% всего народного дохода по территории СССР, а рыночный оборот всех сельско-хозяйственных продуктов равнялся 51% валового сельско-хозяйственного дохода.

Эволюция земледелия.

Отсюда следует логический вывод, что влияние рыночных отношений на сельско-хозяйственное производство должно было сказаться достаточно сильно. И действительно, если рассмотреть эволюцию посевных площадей по районам и культурам за этот период, то легко увидеть, насколько и в каком направлении влиял развивающийся рынок на географическое распространение посевов и трансформацию в пропорции культур.

Табл. А. Общий рост посевных площадей

(в тысячах десятин).

Области	1901—05 г.	1913 г.	Рост в %	Процент интенсивных культур в посеве 1901—05 г.	1913 г.
Нечерноземная полоса:					
Запад	4653	4856	+ 4,3	19,1	23,5
Центр	9616	9363	— 2,6	17,1	19,8
Сев.-Восток . .	6991	7597	+ 8,7	5,7	6,7
Итого нечерноземная полоса .	21260	21817	+ 2,6	13,7	15,6
Черноземная полоса:					
Запад	10651	11288	+ 5,9	12,2	14,2
Центр	17349	18798	+ 8,4	9,4	11,5
Юго-Восток . . .	21693	26574	+22,5	2,6	2,6
Итого черноземная полоса . .	49693	56661	149,0	7,5	8,6
Азиатск. Россия .	5076	9488	+86,9	4,7	5,3
Весь СССР без Туркестана и Закавказья . .	76030	87966	+15,7	8,4	9,2

Переходящие к интенсификации области Запада СССР и черноземный центр дают небольшой прирост посевов в 6—7%, т.-е. в среднем в год по ½%. Нечерноземный центр, снабжавшийся притоком хлеба из производящей полосы, где происходил главный отлив земледельческого населения в города, сокращал посевы хлебных злаков, развивая в то же время травосеяние, льноводство, посевы картофеля и других технических и трудоемких культур.

В общем, во всех густо населенных районах запада и центра, несмотря на слабое расширение посевов или их стабилизацию, производительность земли заметно росла, но не вширь, а вглубь, как и следовало ожидать при интенсификации (т.-е. увеличивалась продукция единицы площади).

Центр тяжести экстенсивной зерновой продукции подвигался все более и более на юго-восток и восток, и в этот период первое место по расширению посевов занимают уже не Новороссия и Низовое Поволжье, которые особенно развивали зерновую продукцию в 1890-х годах, а Северный Кавказ, где посевы выросли с 7 до 10 мил. дес., т.-е. на 43%, Сибирь и Киргизия, где расширение их еще больше: с 5 мил. дес. до 9,5 мил. на 90%. В этих районах рост посевов далеко оставлял за собой прирост населения, что служило лучшим доказательством товарного характера растущего зернового производства.

Итак, в западных и центральных областях с остановившимся приростом посевов мы видим заметное увеличение доли интенсивных культур, в южных и восточных—где посевы продолжают усиленно расширяться, это расширение происходит в указанный период за счет развития товарных зерновых культур, из которых первое место занимает пшеница и ячмень Анализируя рост отдельных культур по всей территории СССР, мы наблюдаем вполне отчетливо влияние роста рынка и процесса индустриализации. Так, в группе зерновых—малорыночные, главным образом, продовольственные—рожь, полба, гречиха, просо стабильны или даже деградируют.

Посевы в тыс. дес. [1])

	1901—05 г.	1913 г.	Прирост в %
Рожь озимая . .	22509	22924	+ 1,8
„ яровая . .	515	597	+ 3,8
Полба	401	182	—54,6
Гречиха	1913	1756	— 8,2
Просо	3065	3016	— 1,8

[1]) Здесь мы даем официальные цифры, которые ниже фактических в довоенную эпоху приблизительно на 9—10%.

Средне-рыночные, как овес, прирастают на небольшую высоту, а много-рыночные—пшеница, ячмень, кукуруза развиваются быстрее всех остальных.

Овес	13966	15134	+ 8,4
Пшеница озимая.	4384	5357	+22,2
„ яровая	15422	20781	+34,7
Ячмень	6927	9577	+38,3
Кукуруза	622	827	+32,9

В группе интенсивных культур особенно развиваются наиболее трудоемкие и самые ценные: сахарная свекловица, хлопок, хмель, а также недавно начавшие внедряться в толщу чисто зерновых посевов, в пропашные, как подсолнух на юге и кормовые травы в центре. Прирост табака, вероятно, был больше, чем показывают официальные цифры. Средний прирост—у полупродовольственных, полурыночных—бобовых, картофеля. Падение старых волокнистых—льна и конопли, несмотря на благоприятные рыночные условия, произошло вследствие, повидимому, истощения почвы от развития льноводства без клеверосеяния в древних льноводных районах северо-запада, торговавших льном с Европой еще во времена Ганзейского Союза.

	1901—05 г.	1913 г.	Прирост в %
1. Бобовые . . .	1060	1113	+ 5,0
2. Корнеплоды .			
Картофель . . .	2322	2793	+ 20,3
Сахарн. свекла .	432	693	+ 61,0
Всего корнепл. .	2754	3486	+ 26,6
3. Волокнистые и масляничные.			
Лен	1277	1250	— 2,1
Конопля	722	584	— 19,1
Подсолнух . . .	515 (с 1904)	829	+ 61,0
Хлопок	371	785	+111,6
Всего волокнист. и масляничных .	2885	3448	+ 99,5
4. Кормов. травы.	556	997	+ 79,3
5. Табак	54	64	+ 18,5

Дифференциация районов.

Развитие рыночных связей между районами приводит к их дифференциации. Каждый район специализируется на тех культурах, которые наиболее соответствуют его природным и экономическим условиям. Если мы произведем, так сказать, горизонтальный анализ распределения культур, т.-е. исследуем, в каких именно областях накануне войны сосредоточивались главные массивы каждой культуры, то получим такую картину:

Из 100 дес. посевн. площ. кажд культуры сосредоточивалось.

В 1913 г.

Название культур	Нечерноземная полоса: Запад	Центр.	Сев.-Вост.	Черноземная полоса: Запад	Центр.	Юго-Вост	Сибирь, Азиатск. Россия с Киргизией.
Рожь озимая и яровая	9,3	18,7	10,7	10,6	30,5	14,6	5,6
Пшеница озимая и яровая . . .	0,2	0,5	5,8	9,8	12,7	52,0	19,0
Овес	6,1	17,2	16,2	10,8	26,5	9,4	13,3
Ячмень	3,3	3,4	5,5	14,3	4,3	65,9	3,3
Бобовые	5,3	15,5	6,4	24,4	36,4	9,6	2,4
Интенсивные:							
Картофель . . .	19,1	23,9	3,6	14,1	20,6	13,1	5,6
Лен	17,9	38,0	16,2	4,2	5,8	8,0	9,9
Конопля	16,5	8,5	5,3	13,0	39,4	6,7	10,6
Подсолнух . . .	—	—	—	3,5	34,0	61,3	0,3
Сах. свеклов. . .	—	0,6	—	77,3	18,7	2,2	1,2
Кормов. травы .	22,4	28,5	5,1	23,2	12,1	8,7	—

Географическое распределение культур перед войной было таково:

Рожь сосредоточивалась в двух центрах: промышленном и земледельческом (11,8 мил. дес, или 49,2% всех ржаных посевов). Но вообще концентрация ржи, как главным образом продовольственной культуры, не была особенно ярко выражена. Рожь распределялась по большинству областей более или менее равномерно:—меньше всего ее было на юго востоке и в Сибири.

Пшеница озимая была сконцентрирована гораздо сильнее на Украине и на юго востоке, преимущественно, на Сев. Кавказе. Из 5,4 мил. дес. здесь сосредоточилось 5,1 мил., т.-е. 94%.

Пшеница яровая отличалась меньшей концентрацией, чем озимая, но бо́льшей, чем рожь. Главные массивы ее скапливаются в восточных областях, на Украине и в Сибири: 15,2 мил. дес. из 20,8 мил. (83,7%).

Овес был рассеян также, как и рожь: наиболее „овсяные" области—центр нечерноземной и черноземной полос, а также северо-восток и Сибирь (всего 10,7 мил. дес. 73,7%).

Ячмень, наоборот, еще сильнее, чем пшеница, скопился в двух областях черноземной полосы: на Украине и юго-востоке (7,7 мил. дес. из 9,6 мил. 80,2%).

Таким образом, из главных зерновых хлебов два менее рыночные—рожь и овес были рассеяны по многим районам и распределялись более равномерно по областям, сосредоточиваясь, преимущественно, в центре, а товарные—пшеница и ячмень, наоборот, были сконцентрированы на юго-

западе и юго-востоке, откуда они двумя потоками выбрасывались на с е в е р, внутрь России и на ю г и запад, за границу. Следовательно, концентрация эта вызывалась не только благоприятными природными условиями, но и близостью к портам и пограничным пунктам.

Расположение и н т е н с и в н ы х культур отличается теми же чертами: продовольственные—горох и картофель весьма равномерно рассеяны по всем областям. К сожалению, кормовые травы, которые также, не имея рыночного значения, должны были расположиться широким пятном во всех районах, пока почти не вышли за пределы нечерноземной и запада черноземной полосы (79,2%). Наоборот, исключительно рыночные имеют тенденцию сосредоточиваться в определенных областях. Так л е н, сконцентрирован на западе и в центре нечерноземной полосы (часть на сев. востоке)—всего 78%; конопля, как в фокусе, собралась в земледельческом центре, подсолнух—в земледельческом центре и на юго-востоке (96,2%), сахарная свекловица—на ч е р н о з е м н о м з а п а д е и в центре (96%).

Итак, из краткого географического обзора распределения земледельческих культур, мы можем вывести одно общее положение: сельскохозяйственная д и ф ф е р е н ц и а ц и я районов, т.-е. сосредоточение тех или иных культур в определенных районах, вызывается, главным образом, р а з в и т и е м р ы н о ч н ы х о т н о ш е н и й.

Нарушение равновесия между земледелием и скотоводством.

К сожалению, за довоенный период мало-мальски точных массовых сведений об эволюции скотоводства мы не имеем. Только по заслуживающим доверия военноконским переписям можно учесть с достаточной точностью довоенное состояние и эволюцию коневодства в России. По этим последним данным, количество лошадей возрастало так: (в мил. голов).

	Раб. возр.	Молодняк.	Жеребята.	Всего.
В 1890-х гг.	13,5	1,4	1,1	16,0
„ 1901-06 „	15,2	2,0	1,3	18,5
„ 1912 „	15,5	2,0	1,1	18,6

Россия отличалась избытком лошадей сравнительно с другими странами Европы, где благодаря применению машин, требовалось минимальное количество рабочего скота. Там предпочитают культивировать п р о д у к т и в н ы й скот—крупно-рогатый и свиней. Но и в России в XX веке крестьяне начинают применять все больше и больше усовершенствованные орудия, благодаря чему количество рабочих лошадей

падает повсюду, за исключением Украины и юго-востока, где конская тяга вытесняет воловью.

	Количество лошадей (в тысячах).		Железных плугов.	
	1901-06 г.	1912 г.	1910 г.	1920 г.
В нечерноземной полосе.	5760	5090	361	1898
В черноземной полосе (без Украины).	7695	7543	1289	1444
На Украине. . .	5052	5877	—	—

В большей части Европейской России, в связи с введением железных плугов, убыль лошадей очевидна. Этот процесс продолжался и дальше аналогично с Зап. Европой и Америкой, где механизация тяги, столь расширившаяся за последние годы, сопровождалась весьма заметной убылью лошадей. Следовательно, падение числа лошадей в более культурных районах России до войны являлось естественным результатом введения усовершенствованного инвентаря.

Но в остальных странах мира взамен лошадей на I-е место выступает продуктивный скот: мясо-молочный, крупнорогатый скот и свиньи. Что касается овцеводства, то в связи с ростом земледелия количество овец, благодаря сокращению пастбищ, убывает во всем мире.

Что же происходило в начале XX века у нас?

По официальным, весьма мало достоверным, данным ветеринарных отчетов количество продуктивного скота в Европейской России за период 1900—13 г.г. сократилось.

По 60 губерниям (с б. Польшей).
Число голов в тысяч.

	1900 г.	1912 г.	Изменения в % %.
Крупн. рог. скота.	34484	33986	— 1,5
Овец и коз. . . .	51479	42991	—16,5
Свиней.	13163	13948	+ 6,0

В Сибири (с Киргизией и Дальним Востоком), наоборот, количество всего скота за 1897—1917 г.г. сильно увеличилось.

	Число голов в тысяч. 1897 г.	1917 г.	Увеличение в % %.
Лошадей.	6594	8654	+ 31,2
Крупн. рог. скота.	6992	13251	+ 89,5
Овец и коз. . . .	13572	20318	+ 49,7
Свиней.	1133	3368	+197,2
Верблюдов. . . .	372	470	+ 25,2
Всего скота. . .	15597	25248	+ 61,8

Но посевные площади в Сибири за это же 20 летие выросли с 5243 тыс. дес. до 11642 тыс., т.-е. на 122%, или вдвое больше, чем количество скота. Если мы сравним рост земледелия и скотоводства в Сибири с ростом населения, то увидим следующее:

На 100 душ населения приходилось:

	Посевов.	Скота.
1897 г.	64	191
1914 „	81	175

Равновесие между двумя основными отраслями сельского хозяйства—земледелием и скотоводством, уже в значительной степени нарушенное во второй половине XIX века, когда большая часть районов перешла на трехполье, и крестьяне к 1890 г.г. распахали в центральных районах до 80% удобных земель (убавив кормовую площадь и сократив скотоводство), продолжало разрушаться и в XX веке.

Этот факт доказывается и учетом С. Н. Прокоповича дохода от земледелия и скотоводства.

Доход по ценам 1900 года в миллионах рублей:

	1900 г.	1913 г.	Рост в % %
От земледелия . .	1842	2579	+ 41
От скотоводства.	831	1053	+ 28

Несмотря на то, что спрос на продукты скотоводства и их рыночность возрастали быстрее, чем рыночность земледельческих продуктов, доход от скотоводства вырос в $1\frac{1}{2}$ раза меньше, чем от земледелия. Как увидим далее, падение скотоводства шло в общем быстрее, чем сокращение земледелия и в последнюю эпоху 1914—22 г.г.—эпоху всеобщего упадка. Следовательно, необходимое для устойчивого развития сельского хозяйства—равновесие между земледелием и скотоводством России нарушалось систематически на всем протяжении нового периода русской истории, начиная со второй половины XIX столетия.

ВЫВОДЫ. Анализ с.-х. эволюции в начале XX века показывает, что:

1) В России в этот период происходил довольно значительный рост промышленности и торговли, обгонявший под'ем продукции с.-х. производства. Россия индустриализовалась и вступила в более широкое экономическое общение с мировым хозяйством. На сельском хозяйстве этот процесс отразился ростом его рыночности, которая накануне

войны охватила более половины (51%) всей валовой с.-х. продукции.

2) Вследствие этого, в полеводстве максимальное развитие получили именно те культуры, рыночность которых была наиболее значительна и возрастала особенно интенсивно

3) Развитие рыночности влекло за собой хозяйственную дифференциацию районов. Западные и центральные густо населенные районы обнаружили тенденцию к интенсификации. Общие размеры посевных площадей в этих районах прирастали слабо или стабилизировались. Здесь происходило развитие производительности земли вглубь; повышение продуктивности единицы засеваемой площади, однако, не столь заметно, ибо все же во всех районах от 80%, до 90% посевной площади засевалось зерновыми хлебами и не создалось еще ни одного района с правильными многопольными севооборотами.

Почти все расширение посевов, которое по территории СССР за 10 предвоенных лет достигло 16%, сконцентрировалось на юго-востоке и востоке, где однотонные, истощающие почву посевы пшеницы и ячменя приводили к значительному колебанию их урожайности.

В общем, происходившая, под влиянием роста рыночности, эволюция полеводства не была согласована с рациональными организационно-производственными типами хозяйств по районам, которые должны строиться в зависимости от комбинаций постоянных естественно-исторических факторов с факторами экономического характера и поэтому отличалась значительной неустойчивостью.

4) Основным дефектом в строении эволюционировавшего до войны сельского хозяйства следует считать расхождение между ростом двух основных его отраслей земледелия и животноводства, которое началось еще со второй половины XIX века. Нарушенное чрезмерной распашкой и распространением в центре трехпольной зерновой системы полеводства, равновесие между этими двумя отраслями усилилось вытеснением скотоводства хищническим зерновым земледелием на юго-востоке, частью в Сибири. Этот факт поставил юго-восток под удар аграрного кризиса, аналогичного кризису земледельческого центра в начале 1890 г.г.

5) Итак, в довоенный период XX века мы наблюдаем: а) одновременный и параллельный рост, с одной стороны, городского населения, индустрии и торговли, с другой,—развитие на основе обмена между городом и деревней, преимущественно рыночных зерновых хлебов—пшеницы и ячменя в редко населенных районах юга и юго-востока, б) в густо населенных районах центра и запада развитие интенсивных культур, доставляющих сырье для нашей индустрии, $^2/_3$ производства которой занято переработкой этого сырья.

Эволюция прочих отраслей народного хозяйства.

Внешний рынок.

В начале настоящей главы мы характеризовали общее влияние, которое оказывали расширившиеся в начале XX века рыночные отношения на наше сельское хозяйство. Но мы не давали еще качественной оценки этого влияния, его положительного или отрицательного воздействия на характер и направление с.-х. эволюции. Рассмотрим теперь отдельно, какое воздействие на сельское хозяйство оказывал внешний и внутренний рынок.

Общее влияние, какое оказывал внешний рынок на направление с.-х. эволюции России в XX веке, можно усмотреть из данных ниже следующей таблицы:

Вывоз за границу в милл. рубл.

	1901—5 г.г.	1906—10 г.г.	1911—13 г.г.	В %%. 1901—5	1906—10	1911—13
Хлеб и зерно	416	497	543	56,9	53,2	45,7
Проч. продукты полев.	191	246	353	26,1	26,3	29,9
Продукты животновод. и птицев.	115	178	277	15,7	19,1	23,3
Продукты рыбол. пчеловод. шелков.	9	12	13	1,0	1,4	1,1
Всего . . .	731	924	1129	100	100	100

Отсюда на первый взгляд выходит, что влияние внешнего рынка на направление с.-х. эволюции соответствовало тем условиям устойчивого нормального развития производительных сил, о которых было сказано выше. Именно, направление роста нашего экспорта должно было более способствовать развитию животноводства и интенсивного земледелия, чем зерновых продуктов.

Нельзя, конечно, отрицать общего положительного влияния нашего экспорта на сельское хозяйство. Однако, необходимо также отметить в его строении и ряд крупных отрицательных сторон. Так если мы примем чистый вывоз каждого из главных зерновых хлебов в 1901—05 гг. за 100, то в 1911—13 г.г. получим такие соотношения:

Пшеница . . . . 83 (абсолют. уменьшен. с 230 мил. до 194 мил. пуд.).
Рожь. . . . . 43 (падение с 76 до 39 мил. пуд.)
Овес . . . . . 73 (убыль с 77 до 56 мил. пуд.)
Кукуруза. . . 154 (рост с 35 до 54 мил. пуд.)
Ячмень. . . . 180 (рост с 123 до 222 мил. пуд.)

Наиболее дорогой экспортный хлеб—пшеница—падал в своем вывозе, рожь и овес тоже, а вывоз кормовых культур

кукурузы и ячменя быстро возрасли. Происходило это потому, что главная потребительница нашего зернового экспорта—Германия, ввозившая перед войной (непосредственно и через Голландию) 53—55% всего отправляемого нами за границу зернофуража, оберегая своих помещиков-аграриев, наложила на охраняемую ею пшеницу и рожь, а также овес по договору 1904 г. громадные ввозные пошлины.

Германские ввозные пошлины в коп. за пуд.

	Пшеница	Рожь	Овес
1894 г. . . .	26,5	26,5	21,2
1904 г. . . .	41,7	37,9	37,9

На ячмень, наоборот, пошлина была понижена с 7 марок за 100 кило (квинтал) по тарифу 1902 г. и с 2 марок тарифа 1894 года до 1,30 марок по конвенционному тарифу 1904 г. [1])

Зерновой экспорт в России в XX веке до войны в значительной мере зависел от Германии, заставлявшей нас своей таможенной системой, направленной в сторону интересов русских аграриев, сокращать или увеличивать вывоз тех или иных культур. В это время интересы германских юнкеров требовали ограждения их от вывоза дешевых продовольственных хлебов—пшеницы и ржи и увеличения вывоза кормового ячменя для растущего германского скота, и мы послушно следовали за этой немецкой указкой. Мало этого, затрудняя нам вывоз своих хлебов, немцы тем самым открывали возможность расширения собственного вывоза. И действительно, с 1904 до 1913 г.г. экспорт зерновых хлебов из Германии значительно вырос, а именно.

Вывоз в мил. пуд.

	Пшеницы		Ржи		Овса		Пшеничной муки		Ржаной муки.	
	Из России	Из Германии	Из России	Из Германии	Из России	Из Германии	Из России	Из Германии	Из России	Из Германии
1904 г. . . .	281	20	60	22	54	14	6	3	12	6
1913 г. . . .	203	33	40	57	36	40	8	12	7	14

Германия не только сокращала ввоз нашего хлеба к себе, но и вытесняла своим вывозом русский хлеб со многих европейских рынков [2]) и даже из русских (Финляндия).

---

[1]) См. проф. М. Н. Соболев.—„История русско-германского торгового договора").

[2]) А. А. Рыбников.—„Торговая политика Германии и война". Стр. 38.

Вред, наносимый воздействием Германии на русскую внешнюю торговлю с.-х. продуктами, этим не ограничился. Стремясь сократить экспорт хлебов и поощряя вывоз к себе кормов, Германия покровительствовала не только ячменю, но и ввозу к себе отрубей и жмыхов. Вывоз их равнялся (в мил. пуд.):

Отрубей жмыхов.

Годы	Всего	В т. ч. в Германию	Годы	Всего	В т. ч. в Германию
1901 — 5	34,5	26,4	1899—903	24,4	8,7
1906—10	36,8	29,3	1904 — 08	32,4	11,5
1911	49.0	41,1	1909 — 13	40,2	15,3
1912	51,0	46.1			
1913	48,7	42,0			

Вывоз отрубей за последние годы на 80% и более направлялся в Германию; вывоз жмыхов на 2/5. Отбирая у нас ценные концентрированные корма, чем сокращалась возможность развития нашего скотоводства, Германия, с другой стороны, ударяла по русскому животноводству рядом чрезвычайно стеснительных мер ветеринарного надзора и высокими ввозными пошлинами. Так, на голову лошади пошлина была повышена с 10—20 марок до 30—72 марок, свиней за голову с 5 до 9 марок, мясо с 15 до 33 марок за 100 кило и т. д. Между тем, без того крайне ничтожный наш экспорт мясопродуктов почти целиком поглощался Германией.

А) Живой скот (в тыс. голов).

Вывоз	Лошадей		Круп. рог. скота		Свиней		Овец и коз	
Годы.	Всего	В т. ч. в Германию	Всего	В т. ч. в Германию	Всего	В т. ч. в Германию	Всего	В т. ч. в Германию
1904 — 8	81	45	7	—	81	78	31	—
1909—13	96	65	4	—	94	92	41	—

Б) Мясопродукты.

	Мясо всякое, кроме свинины.		Свинина.	
	Всего.	В т. ч. в Германию.	Всего.	В т. ч. в Германию.
1904—1908 г.г.	117,3	28,5	316,8	65,4
1909—1913 г.г.	233,1	106,4	667,1	104,7

Наш экспорт живого скота и мяса зависел от Германии по лошадям, свиньям и свежему мясу. Копченую свинину (бекон) мы вывозили в Англию. Англичане сами развили этот экспорт у нас, поставив накануне войны крупные беконные заводы в центральной России и западной

Сибири. В общем, импорт к нам скота и мясо-продуктов, опять-таки в значительной степени из Германии, превышал по размерам и ценам наш экспорт. Так, в 1909—1913 г.г. мы ввезли к себе (за вычетом вывоза) 128 тыс. голов крупного рогатого скота на сумму 5,5 милл. рубл., 612 тыс. штук мелкого на 3,4 милл. рубл. и сала 3 милл. пуд. на 14,3 милл. рубл. Всего в предвоенное 5-летие мы экспортировали скота и мясо-продуктов на 24,6 милл. рубл., а импортировали на 29,3 милл. Дефицит—4,7 милл. рублей.

Итак, благодаря господствующей воле Германии в нашем экспорте (мы вывозили в нее 30% всех наших продуктов, а считая транзит через Голландию—свыше 35%), направление нашего экспорта в значительной мере противоречило задачам планомерного под'ема нашего сельского хозяйства в сторону восстановления равновесия между земледелием и животноводством и интенсификацией земледелия. Германия давила и на наше зерновое хозяйство, сокращая экспорт одних зерновых культур и поощряя другие, и только рост внутреннего рынка с лихвой покрывал тот ущерб, который наносила нам Германия, вытесняя с европейского рынка нашу пшеницу и рожь. В 1901—1905 г.г. Германия ввозила к себе 127 милл. пудов пшеницы, в том числе 45 милл. пуд. из России (36,4%) и 37 милл. из Соединен. Штатов; в 1913 г. из 155 милл. пуд. всего импорта она из России получила только 32 милл. пуд. (20,4%), а из Соединенных Штатов—61 милл. пуд. Наоборот, ячменя из России в 1901—1905 г.г. она получила 55,5 милл. пуд. из 71,3 милл. пуд. общего привоза (68,3%) и в 1913 г—169 милл. пуд. из 198 милл. пуд. всего 85,4%). Если прибавить, что ввоз ячменя из России в Голландию удвоился за этот период (дойдя до 45 милл. пуд.), то станет очевидным, что Германия являлась монопольным обладателем нашего ячменя на внешнем рынке. Получая пшеницу из Америки, она меньше нуждалась в ней так же, как и Англия,—отсюда сокращение экспорта нашей пшеницы за границу. К счастью для нас, к нашей твердой пшенице, весьма пригодной для изготовления макарон, пред'являет все больший спрос Италия, доля которой в пшеничном экспорте из России повышается с 13,6% до 29% в 1913 г., и Италия становится первой страной по размерам вывоза пшеницы из России; вывоз в Германию и Голландию вместе составляет 28,3%.

Кроме Германии крупной потребительницей наших с.-х. продуктов до войны была Великобритания, которая в противоположность Германии, проводившей систему таможенного протекционизма, стояла на фритредерской позиции, дававшей нам возможность экспорта с.-х. продуктов, в которых Великобритания нуждалась. Зернофураж она получала дешевым морским путем из Америки. Но ей

не хватало масла, яиц, бекона и некоторых видов технического сырья (льна, пеньки). Наш вывоз масла, равный в 1900 г. всего 1190 тыс. пуд., поднялся в 1913 г. до 4.763 тыс. пуд, главным образом, благодаря воздействию английского капитала, создавшего вместе с союзом маслоделов в Сибири большой центр экспортного маслоделия.

Точно также английский капитал содействовал нашему яичному экспорту. По английским источникам в 1913 г. в Англию Россия ввозила всех с.-х. продуктов на сумму 21,5 милл. фунт. стерлингов; из них—5,7 милл. фунт. стерлингов (26,6%) зерновых продуктов, а на 11 милл. фунт. стерлингов (52%) ското-продуктов, главным образом, масла, яиц, бекона (при чем по импорту яиц в Англию Россия стояла на первом месте, а по ввозу масла—на втором) и на 4,8 милл. фунт. стерлингов (21,4%) продуктов интенсивного земледелия. Льна Англия ввозила до 75 тыс. тонн из 100 тыс. тонн всех, потребляемых английской льняной индустрией; пеньки от 700 тыс. до 1 милл. пудов. До XX столетия мы ввозили в Англию большое количество маслосемян; но затем нас вытеснила с английского рынка Аргентина.

Влияние Великобритании на наш экспорт было гораздо более благоприятно, чем Германии, ибо Великобритания, не преграждая к себе доступа заградительными пошлинами, в то же время пред'являла спрос и содействовала своими капиталами развитию у нас наиболее выгодных и полезных сельскому хозяйству отраслей животноводства и интенсивных земледельческих культур.

Вообще не представляется целесообразным, чтобы наш экспорт находился в зависимости в том или ином отношении от какой-либо одной страны: гораздо выгоднее для нас было бы иметь свободу маневрирования на внешнем рынке, и, будучи независимыми в политическом отношении от иностранных государств, мы должны получить и экономическую свободу—свободу выбора рынка любой европейской страны, дающей нам больше выгод, чем рынки других стран.

В настоящее время мы обладаем такой свободой, ибо Советская власть, не в пример самодержавной, политически независима от любой из буржуазных стран мира.

Внутренняя торговля.

Абсолютные размеры всего внутреннего торгового оборота страны не только сельско-хозяйственными, а и всеми продуктами, более или менее детально и точно были учтены

только один раз в 1900 г. [1]). Они составили по Европейской России сумму в 6033,8 милл. рубл. По расчетам т. Авилова только 10% этой суммы, т.-е. около 604 милл. рубл. падало на сельские местности. Это—кроме базарной и ярмарочной торговли. По Прокоповичу, чистый доход от торговли Европейской России равнялся в 1900 г. 562 милл. рубл. (при обороте в 4414 милл. рубл.), а в 1913 г.—981 милл. рубл. (при обороте—в 7920 милл. рубл.). Взявши же цены 1900 г., мы получим увеличение дохода за 1900—1913 г.г. на 40,7%. Применив этот процент к абсолютным числам оборота 1900 г., получаем для 1913 г. сумму оборота в 8.490 милл. руб., из которой на нынешнюю часть территории Европейской части СССР (без Сев. Кавказа) приходилось 85%—7.216 милл. руб., или кругло—по 73 рубля на душу населения—городского и сельского вместе, равного 99 милл. душ (по Ситникову. См. Труды Госплана, вып. I). Принимая в среднем тот же душевой оборот для остальной части территории СССР, получим в итоге, что сумма оборота 1913 г. по этой территории должна была достигать цифры 9.512 милл. рубл., по ценам 1900 г., а по ценам 1913 г.—11.842 милл. Базарная, ярмарочная торговля и вообще весь местный и внутри-крестьянский оборот равнялся, во всяком случае, не менее, чем 1—1½ миллиардам, а, следовательно, весь торговый оборот накануне войны достигал в округлении 13 миллиардов рублей. В эту сумму включается неизбежно и внешний и внутренний товарооборот. Внешний оборот в 1913 г. равнялся 2.876 милл. руб., следовательно, внутренний достигал—10,1 миллиарда или 78%.

Но подавляющая его часть приходилась на городскую торговлю: на сельскую, считая даже с базарами и ярмарками, падало не более 20—25% общей суммы (принимая расчет тов. Авилова). Один из основных дефектов внутренней торговли в дореволюционную эпоху—слабость торгового аппарата в деревне. Торговля была более, чем на ¾ сконцентрирована в городах и притом—более крупных.

	Обороты городской торговли в 1900 г.	
	Абсолют. в милл. руб.	В %% к общ. итогу.
Москва	854,5	18,5
Ленинград.	871,3	18,9
13 крупн. город. центр. . . .	796,1	16,2
Проч губерн. города	510,2	11,1
Гор с нас. свыше 25 тыс. . .	368,0	8,0
Все остальн. гор.	1.255,9	27,3
Всего	4.605,8	100

[1]) См. статью тов. Авилова: „Обороты внутренней торговли за 1900 и 1923 г.г. „Экономическое Обозрение“, 1924 г., № 8.

15 крупных центров с обеими столицами сосредоточивали у себя 53,5% всего торгового оборота в городах.

Деревенский оборот был значительно ниже. Правда, к 1 миллиарду лавочного оборота по расчету на 1913 г. необходимо добавить, вероятно, 1½ милл. базарного и внутри-крестьянского внелавочного, но все же общий торговый оборот деревни на душу до войны составлял в Европейской России не более 22 руб. против 430 рублей городского.

Отсюда ясна первоочередная задача—расширение низового торгового аппарата и деревенской организованной торговли, о которой на протяжении всего XIX столетия мало кто заботился,—кроме кооперации, выдвинувшейся лишь после первой революции 1905 года, когда она стала делать первые шаги. Большая часть деревенского торгового оборота шла неорганизованным путем—скупки на базарах или через агентов, раз'езжавших по деревням, не встречавших никакой конкуренции на местах и потому дававших цены, какие им заблагорассудится. Чаще же всего происходил внелавочный неурегулированный обмен между своими крестьянами.

Торговые организации не затрачивали средств на хранение, стандартизацию, первичную обработку собранных продуктов, стараясь их лишь сбыть поскорее. А так как меньше всего забот и расходов по храненню, сортировке и проч. требует наиболее стойкий продукт—зерно, то в торговле оборот зерновыми продуктами занял первое место сравнительно с другими с.-х. продуктами. Это можно видеть по ж.-д. и водным перевозкам. За вычетом экспорта, внутренний межрайонный оборот с.-х. продуктов по железным дорогам и водным путям составил (в мил. рубл. по б. империи):

	1901-5 гг.	В %%.	1911-13 гг.	В %%.	Рост в %%.
Хлебные грузы .	1053	54,2	1359	53,9	+ 29,1
Продукты интенсивного земледелия	437	22,5	684	27,2	+ 56,5
Ското-продукты .	454	23,3	477	18,9	+ 5,1
Всего..	1944	100	2520	100	+ 29,6

В то время, как во внешней торговле значение экспорта интенсивных культур и скотопродуктов выростало в XX веке, во внутренней торговле зерновые продукты продолжали составлять больше половины (54%) всего оборота, а роль скотоводческих продуктов даже упала.

Выдвижение на первое место во внешнем и особенно во внутреннем обороте зерновых продуктов, приводило к односторонней с.-х. эволюции, вредно отражавшейся на

развитии экстенсивных систем сельского хозяйства в его целом. Между тем, зерновое полеводство и без того было у нас гипертрофировано в силу аграрного перенаселения и необходимости 10 мил. крестьян кормиться только от земли на малых наделах. Отсюда небывалый нигде в Европе факт засева более 90% всей посевной площади одними зерновыми хлебами. Правда, процесс вытеснения зерновых культур интенсивными и техническими растениями происходил, но весьма медленным темпом: с 1901—5 г.г. по 1913 г. процент зерновых по всему СССР сократился всего лишь с 91,6% до 90,8%—только на 1% и лишь в самом интенсивном районе—западном—не более, чем на 4,4%. Рынок создавал, главным образом, развитие однотонных пшенично-ячменных посевов, одновременно поспевающих, истощающих почву, не дающих скоту никаких ценных отбросов; рынок отбирал от скотоводства не только ячмень, но и ценные концентрированные корма—отруби, жмыхи и нисколько не поощрял расширения кукурузных посевов за пределами Бессарабии, Кавказа и других специфических кукурузных районов.

Под воздействием одностороннего влияния рынка и продовольственных потребностей малоземельного крестьянства в системе сельского хозяйства накануне войны резко превалировало земледелие над скотоводством, а в земледелии зерновые посевы над интенсивными и техническими растениями.

Торговый капитал брался охотнее за такие продукты, которые не требовали больших затрат на их переработку,—отсюда и страсть к зерновым продуктам. Предоставление маслоделия заботам небогатой средствами кооперации и почти полнейшее игнорирование мясо-хладобойного дела, начавшего возникать у нас за самые последние годы больше при помощи государственных и муниципальных средств и иностранных капиталов—причина слабого развития скотоводства у нас.

Роль рынка в хозяйственной дифференциации районов.

Рыночные отношения тем не менее, хотя не организованно, стихийно, но быстро развивались, создавая хозяйственную дифференциацию районов. В этом сказывалось организующее воздействие рынка на сельское хозяйство. Районы и группы районов постепенно с 1890 г. до 1910 г. специализировались на поставке на рынок тех или иных продуктов. Так, в отношении хлебных грузов проф. Челинцев, у которого мы заимствуем приведенные ниже цифры, указывает на такое перемещение их избытков по направлению на юго-восток (в мил. пуд.).

	В 1880—4 г.г.	В 1907—10 гг.	Увеличение в мил. пуд.
Губернии с недостатками (нечерноземные) .	— 83,9	— 181,2	— 97,4
Со слабыми избытками (северо-черноземные)	+ 142,7	+ 204,1	+ 61,4
С большими избытками (южно-черноземные)	+ 185,2	+ 778,3	+ 593,1
Все области с избытками	+ 356,1	+ 982,4	+ 623,6

В юго-восточных губерниях за эти 25 лет произошло увеличение хлебных избытков в 5—6 и даже 8 раз. Это те губернии, которые только в XIX веке подверглись усиленной колонизации, в которых еще сохранялись свободные для распашки целины, где под влиянием рыночных отношений в XX веке началось усиленное товарное производство хлебов. В общем, за истекшее 25-летие области с недостатками хлебов расширились, а области с крупными избытками хлебов — сократились и сдвинулись все на юго-восток. Но и в этих южно-черноземных губерниях уже на протяжении XX века проф. Челинцев отмечает продолжающееся сужение и сдвиг на юго-восток территории с максимальными хлебными избытками. Доказывает он этот факт путем сопоставления прироста посевных площадей за 1906—10 г.г. сравнительно с 1901—5 гг.:

Губернии с приостанавливающимся ростом посевной площади в %%.		Губернии с продолжающимся ростом посевной площади в %%.	
Херсонская	+ 3	Донская	+ 15
Екатеринославская . . .	+ 3	Самарская	+ 11
Таврическая	+ 5	Уфимская	+ 16
Саратовская	+ 8	Оренбургская	+ 18
Харьковская	— 1	Кубанская	+ 14
		Ставропольская . . .	+ 25
		Терская	+ 23

Следовательно, и в западной части южно-черноземных областей уже происходил процесс прекращения безудержной распашки полей, передвигающийся все далее и далее на восток и перекатившийся в XX веке за Урал, в Сибирь и Степной край.

Эта суженная (до 7—8 губерний) территория юго-востока Европейской России и становится до войны хлебной житницей потребляющих районов России и еще более за границы. Что же происходит в это время в западных и центральных областях черноземной и нечерноземной полос? Мы видели выше, что здесь развивался довольно быстро процесс интенсификации земледелия, т.-е. развития посевов кор-

мовых трав, корнеплодов, масличных и друг. технических растений. Эта перемена в севооборотах отражается естественно и на рыночных отношениях. Во всей нечерноземной полосе роль денежной выручки от хлеба уменьшилась; тоже самое приходится отметить и для некоторых северо-черноземных губерний. Население здесь, наоборот, выросло: к каждой единице площади пред'являются большие требования постольку, поскольку труд населения не стал отвлекаться в сторону из своего сельского хозяйства (город, индустрия, неземледельческий отход, кустарничество и проч.).

Строй сельского хозяйства изменился в сторону расширения иных частей и отраслей сельского хозяйства на счет зерновой продукции. Недобор зерна в сельском хозяйстве, несомненно, должен был компенсироваться увеличением выручки от других с.-х. продуктов. Это положение иллюстрируется следующими цифрами. Сводя данные об избытках (вывоз минус ввоз) главных с.-х. продуктов по районам за 1907—10 г.г. и, оценив их в довоенных рублях, получим такую картину:

Районы:	Абсолютно (на 1 крестьянское х-ство).			В %%% к общей сумме.	
	Зернов.	Проч.	Итого.	Зернов.	Прочие.
Нечерноземная полоса.					
Белорусский	—	20,1	20,1	—	100
Приозерный	—	31,7	31,7	—	100
Центр. Промышлен.	—	15,2	15,2	—	100
Северный	—	24,7	24,7	—	100
Приуральский . . .	5,3	4,8	10,1	52,4	47,6
Черноземная полоса.					
Юго-западный . . .	24,6	21,4	46,0	53,5	46,5
Малороссийский . .	24,9	18,2	43,1	57,7	42,3
Центр. землед. . . .	44,0	31,4	75,4	58,3	41,7
Средне-Волжск. . .	31,4	17,7	49,1	63,9	36,1
Новороссийский . .	90,3	17,1	207,4	91,7	8,3
Нижне-Волжск. . .	115,3	25,7	141,0	81,8	18,2
Сев. Кавказ	127,8	35,9	163,7	78,1	21,9

В таблицу, во-первых, не вошел учет избытков живого скота, овощей, фруктов и некоторых других продуктов. Во-вторых, ж.-д. перевозки не учитывают оборота местных рынков, к которым крестьяне подвозят продукты гужем и который был особенно велик в Центрально-промышленном и Приозерном районах.

Если принять в расчет эти два пробела, то смело можно сказать, что не только во всей нечерноземной полосе, но и на Украине и в земледельческом центре стоимость отчуждаемых крестьянами на рынок незерновых с.-х. продуктов превосходила стоимость зерновых, и только начиная со среднего Поволжья и далее на юг и юго-восток,

т.-е. как раз в тех районах, где играли большую роль более крупные полутоварные крестьянские хозяйства, решительный перевес в рыночных избытках с.-х. продуктах приобретают зерновые.

Каждый район специализировался на сбыте целого ассортимента с.-х. продуктов и их фабрикатов. Так, из Белоруссии экспортировались продукты переработки картофеля—спирт и крахмал. Посевы картофеля здесь распространены больше, чем где-либо в России. Далее, вывозились растительное масло и масличные семена, жмыхи, лен и пенька. В Россию и частью за границу отправлялись мясо, свинина, масло коровье, творог, сметана, яйца, птица, но все это в относительно мелких размерах. В общем, белорусский район является слабо экспортным, но отличается чрезвычайным разнообразием сбывавшихся на рынок с.-х. продуктов.

Следующие два подстоличные районы—Приозерный и Центрально-Промышленный естественно являются районами с максимальным потреблением как зерновых продуктов, так почти и всех остальных. Интересно просуммировать в округлении размеры потребления этими районами привезенных извне с.-х. продуктов:

Зерновых хлебов (в муке и зерне)	123 мил. пд.
Сала	2 „ „
Мяса скотского и свиного	11 „ „
Шерсти	900 „ „
Масла коровьего (только Приозерный)	650 „ „
Молочных продуктов (тоже)	1,6 „ „
Овощей	2,1 „ „
Яиц (Приозерный)	1,5 „ „
Птиц	500 т. „

Большая часть нужных для городского и сельского потребляющего населения продуктов этих районов получается из других районов, главным образом из черноземных. Сюда они стягивались из всей России, здесь и сосредоточивался в двух фокусах внутренний рынок сбыта. Это сосредоточение рынка особенно в центре Приозерного края—Ленинграде—было, отчасти, искусственным результатом тенденции старой экономической политики самодержавия к концентрации не только политической, а и экономической власти. С освобождением России от этой власти с неизбежным, вследствие этого, падением экономической роли Ленинграда на долгое время, с рассеянием промышленности из центра в окраины, поближе к источникам топлива и сырья, необходимо предвидеть и процесс децентрализации внутренних рыночных отношений. Этот процесс будет, несомненно, более благоприятным для с.-х. эволюции , ибо образование взамен централь-

ного ряда крупных местных рынков приблизит эти рынки к районам с.-х. продукции, сократит расходы на лишние перевозки многих из этих продуктов и сделает их производство более выгодным. К сожалению, ж.-д. статистика последних лет не позволяет нам уловить в цифрах этот процесс децентрализации.

Были некоторые с.-х. продукты, по которым либо оба столичных района, либо один из них оказывались в категории избыточных. Это льняное волокно, избыток которого на вывоз в этих районах в 1907—09 г.г. доходил до 5,2 мил. пудов. От производства растительного масла и льняных семян экспортировалось 6,5 мил. пудов жмыхов, которые везде оказывались в избытке и отовсюду стягивались к путям, ведущим за границу. Далее, в Центрально-Промышленном районе развитое маслоделие, покрывая целиком столичный спрос, давало 640 тыс. пудов избытка на вывоз в Ленинград; отправлялось также в Ленинград из Московского района около 400 тыс. пудов молока и проч. молочных продуктов.

Ярославская и частью Костромская губ. производили избытки некоторых овощей, в частности огурцов, а затем довольно много (Ярославская губ. 613 тыс. пудов) яиц на сбыт. Центрально-Промышленный район выявлял гораздо больше способностей к развитию специальных рыночных отраслей сельского хозяйства:—льноводства, огородничества, молочного хозяйства и птицеводства, которые не только покрывали московский спрос, но и отправлялись дальше для удовлетворения нужд Ленинграда.

Отсюда ясно, что перевод столицы в Москву подводит под нее гораздо более прочную с.-х. базу. Не дополучая многие продукты в силу своей удаленности от производящих районов, Ленинград питался, да и сейчас питается привозным из-за границы, что наносит ущерб народно-хозяйственным интересам в их целом.

Следующий—Северный район был самым бедным почти во всех отношениях; даже льна и коровьего масла он доставлял на рынок только 400—450 тыс. пудов. Кроме этих продуктов отсюда отправлялось 2—3 мил. пудов рыбы. Между тем, он обладает большим пространством лугов и пастбищ, и в будущем надо ожидать здесь более или менее широкого развития скотоводства. Связи последнего нечерноземного района—Приуральского с с.-х. рынком также очень слабы. Единственный вид продуктов, дававших экспортные избытки—масличные семена (1,7 мил. пудов). Несмотря на редкость населения, несмотря на сравнительную близость Приуралья к потребляющим центрам России, рыночное сельское хозяйство совсем не развито: с одной стороны, благодаря бедности и некультурности инородцев-земледельцев, с другой—вследствие отхода массы крестьян на горнозаводские про-

мыслы, при которых собственное сельское хозяйство являлось побочным занятием.

Переходим к черноземной полосе. Западная часть этой полосы—Украина (Юго-Западный и Малороссийский районы), по разнообразию и отчасти по размерам отчуждаемых на рынок продуктов более интенсивного сельского хозяйства, стояла на первом месте. Свыше $^3/_4$ поступающего на рынок сахара получалось от свекловичных плантаций Украины и перерабатывалось на ее заводах. Откорм мясного скота позволял отчуждать до 4-х мил. пудов мяса—количество большее, чем где-либо в других районах Европейской России. В то же время отсюда вывозилось 7,7 мил. пудов сырого картофеля, 95 тыс. пудов крахмала и 35,6 тыс пудов спирта, 750 тыс. пудов овощей (с огурцами), около 3-х мил. пудов масличных семян, 2,6 мил. пудов яиц и до 700 тыс. пудов птицы живой и битой. Следовательно, на ряду с интенсивным земледелием и животноводством, здесь оказывались сравнительно развитыми огородничество и птицеводство; и при всем этом Украина экспортирует до 80 мил. пудов зерновых продуктов. Таким образом, на Украине мы отчетливо видим тесную связь, существующую между интенсивностью и рыночностью с.-х. производства.

Земледельческий центр в XX веке стал выходить из состояния земледельческого кризиса, и это отразилось усилением рыночного производства не только зерновых хлебов (118 мил. пудов), но также картофеля и его продуктов—крахмала, спирта и даже в больших размерах, чем на Украине (вывоз картофеля—8,5 мил. пудов, крахмала—1421 тыс. пудов). Этот район опередил Украину по сбыту масляничных семян и растительного масла (4,7 мил. пудов и 3,2 мил. пудов) и особенно по сбыту пеньки (2 мил. пудов) Это—главный рынок России по маслобойному и пеньковому производству.

Весьма заметно развито здесь и рыночное производство овощей (2,6 мил. пудов), яиц (2,4 мил. пудов), птицы (около 800 тыс. пудов). Одним словом, как и на Украине, мелкое крестьянское хозяйство при развитии рыночных отношений начинает выявлять свои способности к развитию некоторых интенсивных земледельческих культур и птицеводства. Но поставка мяса, в силу пережитого аграрного кризиса, подкосившего крестьянское скотоводство, очень невелика.

Она выростает в соседнем Средне-Волжском районе, откуда по направлению к юго-востоку начинается область преимущественно мясного экстенсивного скотоводства. Однако, овцеводство здесь еще весьма слабо развито, за отсутствием свободных пастбищ и вместо сбыта шерсти и сала, мы видим, что железные дороги привозят сюда эти продукты с юга, так как местное производство их оказывается недостаточным. Как более экстенсивный, Средне-Волжский район,

собственно южная и восточная его часть — Саратовская и Уфимская губ.—дает на вывоз большое количество зерновых продуктов (81 мил пудов). Зато рыночное производство овощей почти совсем не развито; взамен его, как было уже указано выше, опять-таки в южной части получает большое значение промышленное бахчеводство.

В общем, картина рыночного сбыта с-х продуктов в Среднем Поволжьи—однообразнее, чем в земледельческом центре.

Еще однообразнее она в тех южных и юго-восточных районах—Новороссии, низовом Поволжьи и на Сев Кавказе, где, заслоняя все остальные отрасли, на первый план выступает колоссальный сбыт зерновых хлебов, достигающий 853 мил. пуд. в 1907—10 г г. Овощи, масло коровье, даже лен, пенька, хотя и в небольшом количестве, привозятся извне. Кроме зерна эти районы эспортируют (хотя далеко не так много, как можно было бы ожидать) мясо скотское (свыше 3 мил пуд). Юго-Восток—единственный угол в Европейской России, в котором, хотя уже в небольших размерах, еще сохранилось до войны шерстное овцеводство. Но производство степных курдючных овец здесь, повидимому, упало, ибо только из нижнего Поволожья экспортировалось сала 250 тыс. пуд.; Новороссия же давала дефицит.

Итак, наш беглый анализ рыночных отношений в сельском хозяйстве по районам, поскольку он улавливается данными о железнодорожных перевозках, показывает нам: 1) что в общем рыночный сбыт с.-х. продуктов разнообразнее, чем можно было бы судить по данным о непосредственном производстве этих продуктов: ряд продуктов, совершенно почти неулавливаемых статистикой с.-х. производства или являющихся в нем третьестепенными, в грузообороте тех или иных районов, оказывается, играют далеко немаловажную роль, 2) что это разнообразие сбыта растет по направлению с Востока на Запад, т.-е. от районов экстенсивного сельского хозяйства к более интенсивным. Даже такой бедный природным богатством почв и климата район, как Белоруссия, оказывается, отчуждает пестрый ассортимент самых различных с.-х. продуктов, тогда как богатый природными благами Юго-Восток выбрасывает на рынок почти одно зерно.

Это одна ненормальность, которую мы наблюдаем в географии рыночного сбыта с.-х. продуктов до войны. Другая заключается в том, что потребление продуктов, сбываемых во всей России, благодаря концентрации городов и промышленной жизни в двух главных столичных районах, сосредоточивается, как в фокусе, в этих районах, вследствие чего, по трудности перевозки на далекие расстояния, природные

возможности многих районов не могли быть использованы для развития более интенсивных и рыночных отраслей сельского хозяйства.

Рассеяние промышленности и городов из центра на окраины, которое должно явиться последствием революции и перестроения хозяйственно-административной жизни России на федеративных началах, несомненно, устранит эти неправильности, сблизив рынки сбыта тех или иных продуктов с районами производства.

Положение и организующая роль индустрии.

Как было указано выше, до войны, с конца XIX века, мы наблюдаем в нашей экономической жизни несомненный процесс индустриализации. Темп ежегодного под'ема с.-х. дохода + 2,6%, а индустрии + 4,8%. Более $^2/_3$ продукции индустрии базировалось на с.-х. сырье (если считать с текстильной индустрией). Таким образом, на первый взгляд получается, что гармония между развитием индустрии и рынка, с одной стороны, и с.-х. производства—с другой, в этот период определенно существовала.

Но, всматриваясь глубже в распределение отраслей крупной промышленности, перерабатывающей с.-х. сырье, мы видим, что эта гармония в действительности существует далеко не всегда и не во всем.

По данным Варзара в 1908 г. крупная индустрия, перерабатывающая с.-х. сырье по отраслям, давала такие итоги:

ГРУППЫ ПРОИЗВОДСТВА.	Сумма производства в мил. рубл.	% к общей сумме всего с.-х. производства.	Стоимость сырых материалов (мил. рублей).	%% отношение стоимости сырья к общей сумме производства
I. Обработка питательных веществ (производства, не обложенного акцизом, главным образ. мукомольное дело).	675,4	14,8	563,1	83
Обработка животных продуктов . .	159,2	3,5	122,1	77
„ хлопка	928,5	20,3	658,1	71
„ шерсти	225,3	4,9	147,8	65
„ шелка	34,6	0,8	22,8	66
„ дерева	119,5	2,6	74,3	62
Обработка питательных веществ (производства, обложен. акциз) .	542,6	11,9	323,3	60
Обработка пеньки, льна и джута. .	93,4	2,0	53,2	57
„ смешан. волокн. вещества.	49,0	1,1	27,0	55
Водочное производство (казен. вин. склады)	344,9	7,6	92,4	27
ИТОГО.	3172,4	69,5	2084,1	66

II. Прочие производства.

Обработка бумаги, полиграфическое производство, обработка металлов, минеральных веществ, химич., нефтян. и пр.	1393,0	30,5	589,7	42
ВСЕГО	4565,4	100	2673,8	58

Продукция текстильной индустрии составляла 34,4%— третью часть суммы производства всей крупной фабрично-заводской промышленности России. Только переработка хлопка и шерсти достигала 25,2%. Но старая власть не озаботилась соответствующим развитием хлопководства, которое начало распространяться с 1907—8 г.г., и накануне войны из 24 мил. пуд., потребляющегося Россией, до 12 мил. пудов привозилось из за границы—главным образом, из Америки.

Стоимость сырья хлопчатобумажной промышленности равнялась, как видно из таблицы, 658,1 мил. рубл. По таможенной оценке, ввозимые из-за границы 12 мил. пуд. волокна хлопка стоили 114 мил. рубл., но эта оценка вряд ли соответствовала действительности.

Тонкая шерсть на $^3/_4$ также поступала из-за границы. Даже по пониженной таможенной оценке ввезенная шерсть стоила 79 мил. руб. Таким образом, только за привозные хлопок и шерсть, которые при иной организации сельского хозяйства могли бы производиться в России, мы тратили за границей до 200 мил рубл. (по официальным данным).

То же самое происходило и с шелком. Закавказские и туркестанские шелка в виде сырых коконов по цене 14—21 рубль за пуд отправлялись в Марсель на шелкомотальные фабрики, откуда размотанные они переотправлялись в Москву на наши шелкоткацкие фабрики. И за привезенный шелк по таможенной оценке мы платили 29 мил. рублей.

Таким образом, в некоторых весьма важных районах текстильной промышленности, наша индустрия базировалась на привозном с-х. сырье, хотя природные условия отдельных районов страны вполне позволяли в сравнительно короткий срок и с неособенно большими затратами, развить соответствующие отрасли сельского хозяйства или первичной переработки сырья.

Так, еще во время поездки бывшего министра земледелия Кривошеина в Туркестан, он сам пришел к убеждению, что достаточно лишь гарантировать ввоз в Туркестан соответствующего количества пшеницы,—и, не прибавляя ни одного акра, можно в крае свободно заменить посевы 300 тыс. дес. пшеницы—хлопком, что даст увеличение добычи волокна на 6 мил. пуд. Так и произошло во время мировой войны, когда доставка хлопка из Америки упала, потребность в ману-

фактуре была громадна, и производство хлопка в Туркестане и Закавказьи сразу поднялось с 12 мил. пуд. до 18 мил., без всяких серьезных затрат на орошение. Если же вместо переплат сотен миллионов рубл. ежегодно на ввоз хлопка из-за границы, хотя бы часть этой суммы тратилась на расширение оросительной сети—несомненно, в течение нескольких лет вся потребность мануфактуры в хлопке могла бы быть покрыта собственным производством. То же самое следует сказать и относительно шерсти. Тонкорунное овцеводство падает во всем мире: падало оно и в Европейской России, вытесняемое с Юга растущим земледелием. Этот процесс тянулся на протяжении всего XIX и начала XX века. Но только в 1910 г. накануне войны правительство спохватилось и предоставило на сдачу в аренду „коневодам" и „овцеводам" 700 тыс. дес. в Азиатской России.

Опыты Чегверикова и других показали, что известные шансы на развитие тонкорунного овцеводства в Сибири и Киркрае имеются. Вопрос, однако, и по сейчас остается спорным. Но, во всяком случае, не только в Сибири и Киргизии, а и в Туркестане и на юго востоке имелось и имеется много непригодных для земледелия территорий, вполне доступных овцеводству, либо полугрубошерстному, либо тонкорунному, которые нуждаются для эксплоатации лишь в недорогих обводнительных сооружениях. Соответствующие мероприятия не были своевременно осуществлены, а между тем, за последние годы уничтожены стада тонкорунных овец в 5 мил. голов, из которых осталось только 200 тыс. Теперь все дело приходится начинать заново.

Отсюда видно, что на соответствие нашей индустрии и сельского хозяйства не было обращено должного внимания, и указанные выше с.-х. отрасли, вследствие небрежного к ним отношения и слишком запоздалого внимания, к моменту революции оказались далеко недостаточно развитыми.

Целый ряд отраслей с.-х. индустрии был весьма недоразвит, сравнительно с уровнем развития соответствующих отраслей сельского хозяйства. К числу таких отраслей относится, напр., крахмально-паточное производство, давая продуктов всего на 10 мил. р., поглощало максимум до 150 мил. пуд. картофеля, производившегося в количестве около 1600 тыс. пуд. Если бы крахмально-паточное производство поглощало бы не 50 мил., а 150 мил. картофеля—в ряде районов оно могло бы содействовать переходу крестьян на интенсивные севообороты, близкие к плодосмену.

Крахмально-паточные, а также винокуренные, требуя сравнительно немного таких кормовых продуктов, как главным образом, картофель и кукуруза, не могли бы и при большем развитии способствовать широкому распространению этих культур. Но картофель и кукуруза, как интенсивные

корма для продуктивного мясо-молочного скота, могли получить большое распространение, если бы соответствующие отрасли мясной и молочной индустрии стояли на надлежащей высоте. Между тем, не только мясное, но и рыбо-консервное производство страны оценивалось в 1912 году только в 19,1 мил. руб. Что касается переработки молочных продуктов, то маслоделие с сыроварением охватывали всего лишь 20% молочной продукции. Таким образом, изготовление впрок скоропортящихся продуктов животноводства, в особенности мяса, далеко не соответствовало ни наличной продукции, ни внутренним потребностям, ни экспортным возможностям. Отсюда в значительной степени происходила слабость нашего животноводства, а также таких отраслей, как садоводство и огородничество.

Сравнительно высоко были поставлены только три отрасли пищевкусовой индустрии: мукомольное дело, продукция которого оценивалась в 1912 г. в 482,5 мил. руб. свеклосахарное и рафинадное производство—на сумму в 561 мил. руб. и винокуренное производство, которое вместе с ректификационным, пиво и медоварением—давало фабрикатов на сумму 217,6 мил. руб. Но производство этих развитых отраслей отличалось одним коренным недостатком, присущим вообще всей нашей крупной индустрии, а именно—концентрацией ее производства в отдельных районах и в крупных помещичьих имениях. Концентрация текстильной промышленности в Московской области за тысячи верст от плантаций хлопка и районов разведения шелка, имела свои веские основания в том, что только в центре, где сосредоточивались капиталы, техника и культурность населения, можно было поставить это производство на надлежащую высоту. Совершенно в ином положении находились сахарное и винокуренное производства, которые могли возникнуть только в тех районах, где свеклосеяние и картофельное производство распространены, ибо, в силу громоздкости и дешевизны корнеплодов, они не могут быть оторваны от сырьевой базы. Эту сырьевую базу они создают в значительной мере себе сами, распространяя посевы корнеплодов в своем районе. И вот мы видим, что в Великороссии свеклосахарная промышленность концентрирована только в 2 губерниях земледельческого центра, а 80% ее было сосредоточено на Украине, при чем заводские и помещичьи посевы сахарной свеклы охватывали свыше $^4/_5$ всей площади посева. Ряд районов черноземной полосы, например, среднее и нижнее Поволжье, южная часть Западного района совершенно не были затронуты свекловичной культурой, хотя там и климатические условия и экономические (относительная густота населения и дешевизна рабочих рук) были для ее распространения достаточно благоприятны. Винокуренное производство было

более разбросано, но оно опять-таки сосредоточивалось в помещичьих хозяйствах, или возле них: крестьянское хозяйство в промышленное картофелеводство для винокурения было втянуто слабо.

Вот основные недостатки организации нашей с.-х. индустрии и связанных с ней отраслей сельского хозяйства. Эти недостатки сводятся к следующим.

1) Концентрация с.-х. индустрии в промышленных центрах и отдельных районах вдали от сырьевой базы.

2) Сосредоточение отраслей производства (винокуренной и сахарной), которые, по характеру своего производства не могли оторваться от сырьевой базы, в немногих районах и в помещичьих имениях. Старая власть, поддерживая своей политикой крупные помещичьи хозяйства, совершенно игнорировала огромное агрикультурное значение, какое могло иметь распространение посева корнеплодов в крестьянских хозяйствах ряда доступных для них районов.

3) Недостаточное внимание к расширению производства отраслей сельского хозяйства, обслуживающих важнейшие виды нашей индустрии—именно хлопководства и тонкорунного и полугрубошерстного овцеводства.

4) Почти полное отсутствие видов индустрии, долженствующих обслуживать такие важные отрасли сельского хозяйства, как мясное скотоводство, садоводство и огородничество и недостаточное развитие молочной промышленности.

5) Отсутствие и слабое развитие видов производства по первичной переработке с.-х. сырья. Так, почти не было заведений по первичной переработке льна и пеньки, благодаря чему эти важные предметы нашего экспорта ценились за границей значительно дешевле, чем иностранное сырье. Точно также и крахмально-паточное производство стояло не на надлежащей высоте.

Одним словом, многие отрасли мелкой с.-х. индустрии, ближе всего стоящие к крестьянскому хозяйству, создаваемые, главным образом, нашими кооперативными органами, за недостатком собственных средств, влачили жалкое существование. Правительство же их игнорировало совершенно.

Общие выводы.

В общем итоге, несмотря на усиленное развитие рыночных отношений и промышленности в довоенный период, развитие сельского хозяйства было односторонним, а потому и неустойчивым. А раз развитие основных отраслей нашего народного хозяйства было неустойчивым и колебания урожаев, та или иная задержка в росте цен, или изменение в неблагоприятную сторону рыночных отношений, болезненно отра-

жались на нем, не могли быть устойчивыми и прочие отрасли народного хозяйства, которые и пострадали особенно в последующую эпоху. Таким образом, весь поступательный ход нашего народного хозяйства покоился на шатком основании.

Главная причина этому—несогласованность, дисгармония в эволюции отдельных частей того единого целого, каким должно быть рационально построенное народное хозяйство. В сельском хозяйстве животноводство отставало от роста населения, тогда как земледелие его обгоняло. Слабо развивались и интенсивные отрасли земледелия и над всем преобладали зерновые культуры, зависевшие, при экстенсивных системах, целиком от капризов природы.

А недостаточная интенсификация земледелия и развитие животноводства, прежде всего и больше всего, зависели от того, что и рынок как внешний, так особенно и внутренний, тем более индустрия, недостаточно его форсировали.

Между тем, стоило только англичанам дать небольшие сравнительно средства на сибирское маслоделие и построить несколько крупных беконных заводов и мясохладобоен, как сразу экспорт масла и консервированного мяса стал давать более 100 мил. руб. Наши русские капиталисты и старое правительство не находили нужным поддерживать эти отрасли с.-х. индустрии, развивающие крестьянскую с.-х. культуру, они ограничивались поддержкой дворянско-помещичьей культуры, покровительствуя крупной винокуренной и сахарной индустрии.

С другой стороны, и на наших экспортных отношениях отражалась политическая связь самодержавной власти с Германской империей, которая поставила в зависимость направление нашего экспорта от воли германских аграриев.

Внутренняя торговля отличалась чрезвычайно слабым развитием сети постоянных торговых предприятий в деревне, оборот которых составлял 10% всего торгового оборота страны. В деревне преобладала базарно-ярмарочная торговля, скупка через агентов и неорганизованный товарообмен между самими крестьянами.

Крайняя слабость организации деревенской торговли, недостаток предприятий по хранению, сортировке и первичной обработке с.-х. продуктов на внутреннем рынке, приводили к тому, что оборот зерновых продуктов превалировал над оборотом технического сырья, скоропортящихся продуктов животноводства и других. В индустрии главнейшие дефекты ее организации до войны: концентрация вдали от сырьевой базы или от крестьянского хозяйства; полное отсутствие многих важных видов с.-х. индустрии, как мясное и др.; слабое развитие других близких к крестьянскому хозяйству; отсутствие механизации первичной переработки сырья.

Наконец, в транспортном деле, имеющие большое экономическое значение, наиболее дешевые и естественные пути сообщения—водные пути, а также гужевые дороги, привлекали очень мало внимания государственных органов и потому почти не устроены. Между тем, водный грузооборот, даже при плохом устройстве речных путей, достигал 40% железнодорожного, а по гужевым путям должны были проходить все грузы, попадающие затем на воду и на железные дороги. Благодаря неустройству этих естественных путей сообщения, торговля страны, во-первых, сильно сокращалась, во-вторых, подвергалась резким сезонным колебаниям (прекращение подвоза крестьянами во время весенней и осенней распутицы), в третьих, грузооборот значительно удорожался и население терпело большие убытки.

Железнодорожный транспорт, привлекавший к себе усиленное внимание старой власти, все же не был устроен рационально: а) недостаточность существующей сети железных дорог для развития товарообмена страны усилилась еще тем, что значительный процент дорог строился не с экономическими заданиями, а для стратегических и политических целей, б) в период наибольшего хозяйственного развития страны и роста грузооборота, железнодорожное строительство было почти прервано, а расширение подвижного состава резко сокращено. Это вызвало перегрузку многих путей, залежи и заторы и привело во время мировой и гражданской войны изношенный и не возобновленный паровой транспорт в непригодное состояние.

В конечном счете, отсутствие рациональной согласованной организации всего народного хозяйства России в его целом привело к тому, что поставленное под последовательные удары мировой и гражданской войны и небывалого голода наше народное хозяйство было сразу отброшено на десятки лет назад.

Характеристику степени нашего падения и темп начавшегося к 1922—23 г.г. экономического возрождения, мы даем в последующих главах.

ГЛАВА III-я.

Эпоха упадка (1914—1921 г. г.).

Падение рынка и индустрии.

Эпоха 1914-21 года была противоположна предыдущей; она характеризовалась прежде всего резким сжатием внутренних и разрывом внешних рыночных отношений между городом и деревней. Внешняя торговля, начиная с эпохи мировой войны, не только падала количественно, но и баланс ее стал из активного заметно пассивным, чем разрушалась налаженная с таким трудом наша денежная система.

Оборот внешней торговли в милл. рублей.

Годы.	Ввоз.	Вывоз.	Сумма оборота.	Баланс.
1914	1098,0	956,1	2.054,1	—141,9
1915	1138,4	401,9	1 540,8	—736,5
1916	1398,5	476,5	1.875,0	—922,0
1917	1372,8	464,0	1.536,8	—908,8

При чем ввозились преимущественно не средства производства товаров и продукции, как было до войны, а средства истребления людей—предметы военного снаряжения.

Во время гражданской войны, блокада Антанты почти совсем ликвидировала внешнюю торговлю, она началась с 1921 г. глубоко пассивным балансом, благодаря ввозу продовольственных продуктов на пропитание голодающих. Пассивность баланса осталась, хотя и уменьшилась и в следующем 1922 г. и исчезает только в 1923 г.

В миллионах рублей.

Годы.	Ввоз.	Вывоз.	Оборот.	Баланс.
1920	29,3	1,4	30,7	—27,9
1921	232,4	20,2	252,6	—212,2
1922	454,3	81,9	535,9	—372,7
1923	179,1	205,8	384,9	+26,7

Общая сумма оборота, сравнительно с довоенной, в 1923 г. упала в 7 раз. Внутренний межрайонный рынок сократился, как вследствие убыли и обеднения городского населения, так и благодаря ухудшению условий транспорта

(уменьшения подвижного состава, вздорожания тарифов, увеличения дополнительных сборов), а также в силу дезорганизации торгового аппарата. Наиболее сохранился местный рынок (главным образом, внутри-крестьянский).

Вследствие этого, в торговле с.-х. продуктами мы видим не только общее сокращение оборота, примерно, в $2^1/_2$ раза сравнительно с довоенным, но—что еще важнее—резкое сжатие радиусов товарооборота. Если мы посмотрим, как распределялась общая сумма оборота с.-х. продуктов между основными видами рынка до войны и в 1922 г., то получим такую картину:

Соотношение различных подразделений рынка в %%

	Довоенный.	1922-23 г.
Внешний	28	6
Внутренний межрайонный . . .	50	40
Внутренний (местный)	22	54

Получилось соотношение радиусов товарооборота, близкое, вероятно, к картине, наблюдавшейся в 17 и 18 столетии, когда не было еще парового транспорта: доминирующее положение занял рынок минимального радиуса товарооборота—местный, главным образом, внутри-крестьянский; болеее чем втрое сократился внутренний межрайонный; а рынок максимального радиуса—внешний—упал абсолютно в 15 раз Благодаря этому, законы нивелировки цен, которые строятся на местах производства по мировому рынку, или по рынку потребляющих с.-х. продукты районов, перестали действовать, и цена на с.-х. продукты неимоверно разошлась у нас в разных районах.

Даже теперь, после того, как мы выбросили на внешний рынок в 1923—1924 г. г. —170 милл. пуд. хлеба, и межрайонный товарооборот в пределах возможности восстановлен, разница уровня колебаний цен в разных районах значительно превышает довоенные. Не далее, как в марте этого года цена на хлеб в производящих районах резко упала, а в потребляющих—заметно поднялась Но колебания цен на местах, по мере восстановления связи с внешним рынком и межрайонным, будут нивелированы; гораздо труднее устранить средостение между производителем и потребителем, выросшее в виде высоких накладных расходов, которые в 2—3 раза выше довоенных. Накладные расходы обычно перекладываются на производителя, у которого благодаря этому, значительно суживается возможность накопления прибыли, превращаемой им затем в необходимый для рационального развития сельского хозяйства—сельскохозяйственный капитал. Основная задача ближайшего будущего в этом отношении — максимальное снижение накладных расходов.

Происшедшая вследствие разрыва рыночной связи натурализация сельского хозяйства и гражданская война заставляли правительство прибегать к системе натуральной продразверстки, особенно вредно отразившейся на центральных и западных районах, а чернопередельческое движение крестьянской массы и отсутствие стимулов к расширению посевов привело к общей подвижке вниз, т.-е. ко всеобщему оскудению.

Общий народно-хозяйственный упадок этой эпохи отразился, как известно, больше всего на городах и промышленности. Городское население сократилось, в общем на $^1/_3$: максимальное сокращение на 49% пришлось на промышленный центр, где пострадали больше всех городов—фокусы народно-хозяйственной жизни страны—обе столицы. В черноземной полосе убыль была меньше, чем в нечерноземной, несмотря на то, что гражданская война свирепствовала именно в черноземной полосе.

Сельское гражданское население, наоборот, несколько возросло вследствие бегства из городов в деревню и возврата мобилизованных. В нечерноземной полосе оно увеличилось с 32,2 милл. до 32,5 милл., в черноземной с 52,7 милл. до 53,6 милл., в Сибири и Киргизии с 11,9 милл. до 12,9 милл. По всему СССР с 96, 8 милл. до 99 милл. Но не следует забывать, что армия, на 80% состоявшая из крестьян, достигала во время мировой войны минимум 12 милл. человек, а в 1920 г. равнялась всего 5,3 милл. Если прибавить $^4/_5$ разницы в контингенте армии к цифре 1916 г., то окажется, что и сельское население убыло за этот период на 3 милл. самых сильных работников мужчин. Но все же, следовательно, города пострадали больше деревни, благодаря, главным образом, разрушению индустрии и разрыву межрайонных и заграничных торговых сношений.

Уже во время мировой войны усилились отрасли, имеющие отношение к войне, главным образом, металло-обрабатывающая и химическая, до войны слабо развитые. Отрасли же, обслуживающие обще-народные нужды, в частности крестьянское хозяйство, зачастую резко упали. Так, сельскохозяйственное машиностроение сократилось к концу 1916 г. на 90%; кожевенное производство, хотя расширилось, —60% его продукции шло в армию и только 40% для гражданского населения. То же самое приходится сказать и о мануфактурной промышленности. Благодаря отрыву от рынка этих основных отраслей, обслуживавших ранее, главным образом, крестьянское население, крестьянство начинает возвращаться к домашнему и кустарному производству предметов одежды и обуви. Этот процесс „самоснабжения" крестьян фабрикатами еще более усиливается во время революции, когда индустрия окончательно разложилась. Разложе-

ние индустрии захватило преимущественно предметы широкого народного потребления: производство пищевых продуктов, предметов одежды и обуви сократилось с 18 р. 21 к. на душу в 1912 г. до 2 р. 42 к., в 1920 г., т. е. в $7^1/_2$ раза производство остальных отраслей промышленности — с 13 р. 56 к. на душу до 2 р. 21 к., т.-е. в 6 раз. Производство сахара упало в 35 раз, сельско-хозяйственных орудий и машин в 31 раз, производство минеральных удобрений прекратилось почти совсем. Лечебные средства для сельского хозяйства получались раньше из-за границы, внутри России они почти не производились.

Одним словом, производство и приобретение средств и орудий сельско-хозяйственного производства сошло на нет... Таким образом, деревня оказалась не только голодной и босой, она лишилась возможности восстанавливать и ремонтировать свой основной с.-х. капитал, поскольку он производился городской индустрией.

Город перестал обслуживать деревню; деревня ответила тем, что сократила кормление города. Уже во время мировой войны, когда городское население усиленно возрастало, начал ощущаться в городах недостаток с'естных припасов, и первые надписи на знаменах восставшего народа в столицах говорили о хлебе...

В дальнейшем недостаток продовольственных припасов привел к бегству из городов и к усилению смертности. Деревня, придавленная городом при царизме, первоначально издевалась над „тонконогими" горожанами, вынужденными продавать за бесценок в обмен на кусок хлеба свое последнее добро. Но вскоре и она почувствовала остро разрыв торговых связей с городом, который, во-первых, заставил деревню, свернуть свое земледельческое хозяйство даже ниже потребительского уровня, во-вторых, оставил сельское население без средств производства.

Убыль и натурализация земледелия.

Все эти явления отразились на земледелии в период 1914—22 гг.: а) общей убылью посевной площади по СССР на 36%; б) особенно сильным сокращением посевов на северо-западе, в центре и на юге-востоке; в) наибольшим сокращением рыночных зерновых—пшеницы, ячменя, а также овса, относительным под'емом главного продовольственного хлеба—ржи и гречихи и абсолютным возрастанием проса; г) в группе интенсивных культур-максимальным сокращением наиболее рыночных: льна, конопли, особенно сахарной свеклы, хлопка, табака. Менее рыночный, имевший большое продольственное значение, картофель сократился больше всех интенсивных культур, считая с усадебными, убывшими

в общем более, чем в 2 раза (на 62%). На юго-востоке начинает развиваться площадь подсолнуха.

Название культур.	Посевные площади в м. д.		Пропорция культур в %%.		В %%, принимая 1913 г. за 100.
	1913 г. [1] с надбавкой в 10%.	1922 г. с надбавкой в 25%.	1913 г.	1922 г.	1922 г.
Зерновые культуры:					
Рожь озимая	25,3	21,1	25,8	33,7	83,4
Пшеница озимая	5,5	3,9	5,6	6,2	70,9
Рожь яровая	0,7	0,3	0,7	0,5	42,9
Пшеница яровая	23,2	6,5	23,7	10,4	19,4
Овес	16,6	8,5	16,9	13,6	51,2
Ячмень	10,4	3,6	10,6	5,7	34,6
Просо	3,3	6,8	3,4	10,8	206,1
Гречиха	1,9	2,1	1,9	3,4	110,5
Кукуруза	0,9	2,5	0,9	3,9	277,8
Итого зерновых	87,8	55,3	89,5	88,2	63,0
Технические и интенсивные культуры:					
Бобовые	1,2	—	1,2	(вошли в	прочие).
Картофель (полев.)	3,1	1,8	3,4	2,9	58,1
Лен	1,4	0,9	1,4	1,4	64,3
Конопля	0,6	0,4	0,6	0,6	66,7
Подсолнух	0,9	1,9	0,9	3,0	211,1
Свекловица	0,8	0,3	0,8	0,5	37,5
Корм. травы	1,6 [2]	—	1,6	+ 3	—
Хлопок	0,6	0,1	0,6	0,2	16,7
Табак	0,1	—	0,1	3,2	—
Проч культуры	—	2,0	—	—	—
Итого интенсивных и технических культур	9,7	7,4	10,5	11,8	79,6
Итого полевых посевов	97,5	62,7	100	100	64,3

Порайонный анализ изменения пропорции культур, который за недостатком места здесь мы не приводим, показывает, что в густо населенных районах запада и центра внедрявшиеся до сих пор интенсивные культуры исчезают более, чем наполовину, и на их место становятся продовольственные

[1] В виду окончательно установленного всеми специальными органами (и Ц. С. У.) факта недоучета посевов площадей, здесь мы даем их с надбавкой.

[2] Травы взяты по данным переписи 1916 г. в виду явного недоучета их в 1913 году.

В редко населенных районах на юго-востоке наиболее сжимаются рыночные зерновые—пшеница и ячмень и выдвигаются опять-таки продовольственные—рожь, просо, а также подсолнух.

Таким образом, натурализация сельского хозяйства приводит к сельско-хозяйственной нивеллировке районов.

По отдельным областям падение посевов под влиянием мировой и гражданской войны и голода характеризовалось следующими процентными отношениями.

Убыль или прирост посевов в % по областям в периоды.

Области.	1913—16 гг.	1916—20 гг.	1920—22 гг.
Нечерноземная полоса:			
Запад	— 0,3	— 39	+ 22,8
Центр	— 11,0	— 32	+ 15,7
Сев.-Восток	— 0,4	— 26	— 28,5
Всего нечерноз. полоса	— 4,9	— 31	— 0,2
Черноземная.			
Запад	— 5,0	— 12	— 7,6
Центр	— 5,7	— 28	— 16,9
Юго-Восток	— 17,0	— 30	— 23,0
Всего черноземн. полоса	— 11,0	— 26	— 17,0
Сибирь и Киргизия	+ 7,3	— 6	— 46,5
Итого по СССР (без Туркестана, Закавказья и Д. В. О.).	— 7,6	— 25	— 17,9

Средне-годовая убыль посевов по СССР в первый период равнялась 2,5%, во второй—6,0%, в третий—8,9%, т.-е. она систематически повышалась из года в год.

Таким образом, земледелие вплоть до 1922 г. обнаруживает картину все усиливающегося падения, достигающего своего максимума в 1922 г. Но районы более интенсивные—западные и центральные—начинают возрождать земледелие и интенсивные культуры с 1921 г., продолжая, однако, расширять ржаные посевы. Крайне резкий упадок наблюдается после голода 1921 года в экстенсивных районах юго-востока, максимально сжимающих посевы рыночных зерновых—пшеницы и ячменя. Вместо них выдвигаются на юго-востоке требующие мало семян засухоустойчивые — просо, кукуруза, подсолнух.

Сокращение скотоводства.

Скотоводство, которое до голодного года сокращалось несколько медленнее посевных площадей, после него обнаружило более заметный упадок: так площадь посевов

в 1922 г. составила около 70% площади 1916 г., т-е. за период 1915—22 гг. упала на 30%, а количество скота за тот же период сократилось на 37%.

Виды скота.	1916 г.	1922 г.	В % к 1916 г. принятому за 100. 1922 г.
Лошади			
Рабочие	24,2	15,7	64,9
От 1 года до рабочего	3,8	1,9	50,0
Жеребята	3,4	1,4	41,2
Итого	31,4	19,0	60,5
Крупный рогатый скот:			
Волы	3,5	2,2	62,9
Быки старше 2-х лет	0,7	0,4	57,1
Коровы	22,4	18,2	81,2
Молодняк	9,6	4,4	45,8
Телята	14,2	7,9	55,6
Итого	50,4	33,1	65,7
Овцы и козы	84,5	41,6	49,2
Свиньи	19,5	7,7	39,5
Итого в переводе на крупн.	80,0	50,3	62,9

Наиболее пострадал мелкий скот (овцы и свиньи) и молодняк крупного скота.

Выводы.

В общем итоге в эту эпоху, на которой в виду общеизвестности происходивших в нем периодов мы останавливаемся не долго,—общее падение сельского хозяйства приводит к таким отрицательным последствиям.

В сфере земледелия, помимо сокращения посевов, которые, впрочем, пополняются довольно быстро, поскольку позволяют наличные силы и средства крестьян, их рабочего скота и орудий—мы наблюдаем несколько более возросшую, сравнительно с довоенным периодом, пропорцию зерновых хлебов, если взять ее вместе с подсолнухом (90,4% всех посевов в 1913 г. и 91,8% в 1922 г.). Правда, доля интенсивных и технических культур в настоящее время имеет тенденцию к возрастанию, но одновременно реставрируются на юго-востоке посевы зерновых—пшеницы и ячменя, и без организационного воздействия рынка и индустрии на крестьянское хозяйство можно опасаться, что через несколько лет наше земледелие будет, как в 1913 году, отличаться гипертрофией зерновой продукции,

относительно малодоходной, а главное лишающей сельскохозяйственную эволюцию необходимой устойчивости. Ни в одной из более или менее культурных стран мира мы не видим такой громадной, подавляющей роли зерновых культур в земледелии. И этот факт грозит нам в будущем новыми грозными потрясениями, в роде великих голодовок 1891 и 1921 гг.

Нарушенное со времени всеобщего распространения у нас трехполья равновесие между земледелием и скотоводством, как мы видели, еще более поколебалось за истекшее десятилетие. И если в будущем, при помощи организационного воздействия государства и рынка, еще возможно возрождение продуктивного скота—крупнорогатого и свиней в довоенных размерах, то восстановить до прежнего масштаба количество рабочего скота в ближайшее пятилетие никоим образом не удастся. А между тем, быстрая реставрация посевов задерживается именно недостатком рабочего скота—фактора находящегося в минимуме. Даже при максимальной нагрузке в 6—6,5 десятин на 1 рабочую лошадь, в некоторых черноземных районах и при возможной прикупке рабочих лошадей со стороны, в этих районах посевные площади к 1929 г. не могут быть доведены до довоенного уровня в силу недостатка рабочего скота, а именно:

Районы.	Посевы в 1913 г. в мил. дес.	Возможные посевы в 1928 г.	На 1 голову раб. скота дес. посева в 1928 г.
Центрально-Земледельческий	9,2	8,4	6,0
Средне-Волжский . . .	9,9	8,4	6,0
Нижне-Волжский . . .	7,7	6,5	6,5
Северный Кавказ . . .	11,4	10,3	6,5

Очевидно, что расширение посевных площадей в этих районах никоим образом не может раздвинуться дальше, ибо нагрузка рабочего скота дойдет до своего предела. Так как количество этого скота не представляется возможным увеличивать дальше, то единственный выход отсюда—развитие механической тяги, которое за недостатком средств у государства и населения не может быть значительной.

Далее—мериносовое овцеводство почти совсем исчезло, что заставляет нас переплачивать за тонкую шерсть за границей десятки миллиардов рублей ежегодно. Реставрация мериносового овцеводства в Сибири и Киргизии стоит под большим вопросом и, во всяком случае—дело весьма затяжное. В районах Сибирского маслоделия весьма убыло коли-

чество коров, и без принятия специальных мер маслоделие здесь не восстановится быстро.

Наконец, падение грубошерстного овцеводства столь велико, что оно не может быть компенсировано в ближайшее пятилетие, и к концу его количество овец составит лишь 89% числа 1916 года.

По всем этим причинам не приходится мечтать, что мы сумеем к концу 5-ти летия восстановить вполне утраченное равновесие между земледелием и скотоводством.

ГЛАВА IV.

Начало эпохи возрождения (1922—24 г.).

Развитие рыночных отношений.

А. Внешний рынок. Возрождение народного хозяйства, как и следует ожидать, начинается с восстановления рыночных отношений, при чем внешний рынок, максимально упавший в предшествующий период, начинает теперь расширяться таким же быстрым темпом. Общий рост оборотов внешней торговли по ценам 1913 г. характеризуется такими цифрами (в милл. рубл.).

		в $^0/_0{}^0/_0$
I полугодие 1922—23 г. . .	119.7	100
II „ „	163,6	136
I полугодие 1923—24 г. . .	262 8	219

Но особенно быстро выростал наш экспорт.

		Вывоз 1921—24 г. г.		
		В милл. довоен. рублей.	Рост в $^0/_0{}^0/_0$	$^0/_0$ к довоенному экспорту.
1921—22 г.	1-е полугодие . .	19,1	100	2,7
	2-е полугодие . .	44,9	235	6,3
1922—23 „	1-е полугодие . .	47,9	251	6,7
	2-е полугодие . .	85,4	447	12,0
1923—24 „	1-е полугодие . .	179,3	940	25,4

За $2^1/_2$ года стоимость экспорта увеличилась в $9^1/_4$ раз. В первое полугодие 1923—24 г. наш экспорт равнялся по стоимости 25,4% довоенного.

Импорт, однако в противоположность экспорту, не развивался: во втором полугодии 1921—22 г. он был чрезмерно повышен ввозом продовольственных припасов для голодающих; с этого момента, импорт, под влиянием стремлений оградить нашу индустрию от конкуренции извне и поддержать активность торгового баланса, сильно падает.

	Ввоз в милл. довоен. рублей.	В %%.	В %% к довоенному.
1921—22 г. 1-е полугодие . .	90,0	100	14,8
2-е „ . .	184,2	205	30,2
1922—23 г. 1-е „ . .	71,9	79	11,8
2-е „ . .	71,2	87	12,8
1923—24 г. 1-е „ . .	88,5	93	13,7

Таким образом, в последнее полугодие 1923—24 г. импорт уже в 2 раза меньше экспорта, что и придает резкую активность нашему внешнему торговому балансу.

Баланс в золотых рублях[1]).

	Баланс в зол. рублях.	В процентах к обороту.
1921—22 г. 1-е полуг.	— 70,9	—65,1
2-е „	—139,4	—60,1
1922—23 г. 1-е „	— 24,0	—20,0
2-е „	+ 7,1	+ 4,3
1923—24 г. 1-е „	+ 95,8	+36,4

Таким образом, со второго полугодия 1922—23 г. в первый раз с 1914 г. наш торговый баланс снова становится активным, а в последнее полугодие активность эта делается даже отчасти вредной для народного хозяйства России, так как она повела к переобременению нашего рынка иностранной валютой и к падению ее курса, что в свою очередь вызвало ряд неблагоприятных последствий. Но эта резкая активность об'ясняется, до известной степени, напряженностью хлебного экспорта, впервые возобновившегося в осеннем полугодии 1923—24 г. в крупных размерах.

Переходя к анализу распределения нашего современного экспорта по странам, мы можем отметить несколько большую его равномерность, чем до войны, а именно:

Вывоз из России (в милл. рублей довоен.).

	1913		1922		1923	
	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %
Всего . .	1520,1	100	81,6	100	205,8	100
в том числе:						
в Германию .	453,6	29,9	14,7	18,0	61,3	29,8
„ Великобр. .	267,8	17,7	25,2	30,9	33,5	16,3
„ Голланд. .	177,4	11,6	1,3	1,6	11,8	5,7
„ Францию .	100,3	6,6	0,4	0,5	—	—
„ Италию . .	73,8	4,8	1,4	1,7	6,4	3,1
„ Авст.-Венг.	65,3	4,3	—	—	—	—
„ Бельгию .	64,7	4,3	0,3	0,4	—	—
„ Персию . .	67,7	3,8	1,2	1,5	0,5	0,2
„ Финляндию	55,3	3,6	3,6	4,4	8,0	3,9

[1]) См. брошюру „Внешняя торговля СССР“ (Октябрь—март 1923—24 г.) Москва, 1924 г.

Вывоз из России (в милл рублей довоен.).

	1913.		1922.		1923.	
	Абс.	В %	Абс.	В %	Абс.	В %
„ Турцию . .	35,8	2,4	11,0	13,5	10,2	4,9
„ Латвию . .	—	—	10,5	12,8	23,9	11,6
„ Эстонию .	—	—	7,7	9,4	11,3	5,5
					(Гибралт.)	
„ Швецию .	11,4	0,7	0,2	0,2	16,5	8,0
„ Польшу . .	—	—	2,8	3,4	2,4	1,2

Сюда входят, кроме сельско-хозяйственных и лесных, и другие экспортные товары, но они составляли в 1913 г. около 20%, а в 1923 г. около 9% всей суммы экспорта. Если судить по приведенной таблице, в 1913 г. только 5 стран ввозили к себе каждая на 4, 5 и более % от общей суммы нашего экспорта, в 1922 г. и в 1923 г. уже 7 стран. Германия во все годы стояла на первом месте, но в 1923 г. мы ввозили непосредственно в Германию 30% и транзитом через Голландию, вероятно, не менее 5—6%, всего 35—36%; в 1922 г.—18%, в 1923 г.—30%. В Великобританию в 1913 г.—18%, в 1922 г.—31%, в 1923 г.—16%. Иначе говоря, ввоз в Германию за последние годы относительно несколько упал, в Великобританию немного увеличился.

Таким образом, несмотря на то, что наш экспорт только еще начинает возрождаться и, естественно, что в первую очередь возобновляются старые связи—однако, уже и сейчас заметна сравнительно большая свобода нашего маневрирования на внешнем рынке и относительное расширение связи с некоторыми странами, с которыми у нас до войны торговые отношения были очень слабы.

Особенно это заметно на экспорте хлебных грузов.

Вывоз хлебных грузов по странам (в мил. пуд.)

	1913 г.		1923—24 г. (авг.—май).	
	Абс.	В %.	Абс.	В %.
В Германию.	219,3	34,5	40,4	23,6
„ Голландию	135,2	21,3	37,0	21,7
„ Францию	46,5	7,3	13,1	7,7
„ Данию.	3,7	0,6	14,9	8,7
„ Италию.	60,7	9,6	11,4	6,7
„ Финляндию	16,9	2,6	10,4	6,1
„ Бельгию.	14,9	2,3	8,1	4,7
„ Англию.	56,8	8,9	10,1	5,9
„ Грецию	5,4	0,8	5,9	3,5
„ Норвегию.	6,0	0,9	5,6	3,3
„ Латвию	—	—	4,4	2,6
„ Эстонию	—	—	4,0	2,3
„ Швецию	5,6	0,9	2,3	1,3
„ Турцию.	9,9	1,6	2,6	1,5
„ Польшу.	—	—	0,1	0,1

Вывоз хлебных грузов по странам (в мил. пуд.).

	1913 г.		1923—24 г. авг.—май).	
	Абс.	В %	Абс.	В %
„ Чехо-Словакию . . .	—	—	0,6	0,3
„ Австро-Венгр.	8,6	1,4	—	—
„ Испанию	7,9	1,2	—	—
„ Китай	0,7	0,1	—	—
„ Персию	1,7	0,3	—	—
„ Румынию	22,0	3,5	—	—

Из таблицы видно, что целый ряд европейских и азиатских рынков нами еще далеко не заполнен: несомненно, для нас возможно расширить относительно и абсолютно экспорт в Великобританию, Северные страны, как Швецию, Норвегию, в „буферные" государства—отошедшие от нас—Польшу, Латвию, Эстонию, а также на восток—Персию и Монголию. Предполагая в будущем расширить экспорт зерновых хлебов мы, видимо, рассчитываем и на расширение количества заграничных рынков сбыта. При этом, германский рынок, если добрососедские отношения восстановятся, сможет, вероятно, поглотить наших хлебов до 80—100 милл. пуд.

Итак, со стороны расширения наших экономических связей за границей, в ближайшие годы можно ожидать лучшего положения, чем было до войны, когда мы в своем экспорте сельскохозяйственных продуктов зависели в значительной мере, от воли германских аграриев. Но поскольку можно судить о тенденциях нашего сельско-хозяйственного экспорта за последние годы—перед нами возникает другая опасность—гипертрофии зернового экспорта сравнительно с остальными сельско-хозяйственными продуктами.

%-е отношение стоимости вывоза зерновых к общей сумме экспорта.

1909—13 г.	1922 г.	1923 г.	1923—24 (Окт.—март.).
43,4	3,5	52,9	60,0

По плану в 1923—24 г. стоимость экспорта зерновых доходит до 55% всей стоимости экспорта; в 1924—25 г. она, вероятно, дойдет до 60%, а по отношению только к сельскохозяйственным продуктам составит не менее 80%. Таким образом, экспорт продуктов интенсивного земледелия (льна, пеньки, сахара, крахмала, масло-семян и пр.), а также продуктов животноводства, который до войны хотя и развивался относительно, но абсолютно был еще весьма слаб, на ближайшие годы сведен до минимума. А форсирование экспорта зерновых поведет в дальнейшем опять к той же картине чрезмерной распашки Юго-Востока пшенично-ячменными

посевами, грозящей повторением прежних неурожаев вроде 1921 г. и новым раззорением края.

Мы понимаем, что данное направление экспорта в сторону зерновых вызывается, с одной стороны, спросом на них в Европе, так как Соед. Штаты сокращают свой экспорт; с другой—недостатком скота и слабой реставрацией интенсивных культур у нас; с третьей—отсутствием или недостатком промышленных предприятий по первичной переработке сырья, консервирования, стандартизации, специального транспорта и т. д.

Все это верно. Но если мы не будем обращать должного внимания на эти недостатки и не употребим всех возможных усилий для их устранения—наш с. х. прогресс пойдет опять в сторону гипертрофии зернового земледелия, т.-е. это будет не прогресс, а регресс, грозящий аграрными кризисами [1]) и обеднением крестьянских масс.

Внутренний рынок.

По последним подсчетам ЦСУ сумма оборотов городской и сельской торговли вместе в 1922—23 г.г. достигает 2915,2 милл., что составляет около 23% довоенных оборотов. Предполагая, что в 1923—24 г.г. обороты повышаются, примерно, на 25—30%, оборот нынешнего года составит около 30% оборота 1913 г. Б. В. Авилов, сравнивая данные 1923 г. и 1900 года по постоянным торговым заведениям в городах, дает такие цифры (по Европ. России).

	1923 г.		
	Абсол. милл. р.	% к итогу.	Оборот 1923 г. сравнит. с 1900 г.
Москва	689,5	36,2	80,7
Ленинград	112,5	5,9	12,9
13 кр. гор. центров.	434,6	22,8	58,2
Проч. губ. города	226,2	11,9	44,4
Города с насел. свыше 25 тыс. . .	90,5	4,8	24,6
Все остал. города	351,4	18,4	28,0
Всего	1985,1	100	44,1

До войны обе столицы вместе давали 37,4% всего оборота Европейской России, пр ичем они торговали почти одинаково. Теперь Ленинград снизил свои обороты до 5,9%,

[1]) Обнаружившийся уже частичный неурожай этого года, охвативший как раз хлебо-экспортные районы юго-востока — является повторным предупреждением для нас.

но Москва заняла его место, подняв их до 36,2% и в общем обе столицы—настоящая и бывшая—захватывают 42,1%—$^2/_5$ всей суммы оборотов. Такая же концентрация произошла и в 13 крупных городских центрах оптовой торговли, а всего эти 13 центров дают 64,9% оборота против 53,6% в 1900 г. Соответственно ослабело значение остальных более мелких городов и городских поселений—их торговля сократилась с 35% до 23,2%.

Правда, сюда не входит базарно-ярмарочный оборот, но в городах его значение сравнительно невелико (по цифрам 1923 г., когда базарная торговля была относительно выше довоенной—не более 20%) и общей картины сконцентрированной торговли, обрисованной приведенными цифрами, изменить не может.

Сельские обороты в настоящее время также низки, как и до войны. По данным НКФ сумма оборотов сельской торговли составила 11,7% всего оборота страны. Число всех торговых предприятий равнялось (тысяч):

	Всего.	В том числе деревенских.	% деревенских
Государственных.	11,2	1,0	9
Кооперативных	27,8	17,2	62
Частных.	390,3	93,7	24
Всего. . . .	429,3	111,9	26.1

Так как в СССР всех деревенских поселений свыше 350 тыс., то одна лавка приходится в среднем на 3—4 деревни, и, примерно, на 200 хозяйств с 1000 душ населения. При обороте в 340 милл. руб. это выходит не более 3,2 руб. на душу.

Правда, это не весь оборот. Если прибавить сюда минимум 700—800 милл. вне лавочного внутри-крестьянского оборота, то все же душевой оборот сельского населения составит около 9—10 руб. против 128 руб. душевого оборота в городах.

Сельско-хозяйственная индустрия.

Перейдем теперь к характеристике современнаго положения с.-х. индустрии. Посмотрим, прежде всего, насколько сократились за последнее время отдельные отрасли этой индустрии.

Сумма продукции (окончат. в милл. рублей)

Главные виды с.-х. промышленности.	1912	1921[1])	1922	%произв. 1922 г. к 1912 г.
1) Пищевая	1588,9	426,0	412,8	26.0
2) Кожевенная	50,3	30,8	29,5	58.6
3) Хлоп.-бумаж.	615,6	34,9	129,9	21,1
4) Шерстяная	119,6	40,1	58,7	49.1
5) Льняная	36,2	10,0	37,1	102.5
6) Прочие пр.	83,1	14,3	20,2	24.3

Наиболее сократились самые важные для интенсивного земледелия и животноводства отрасли пищевкусовой индустрии, а именно:

Сумма производства в милл. довоен. рубл.

Отрасли пищевкусовой промышленности.	1912	1922	% к 1922 г. 1912 г
Мукомольно-крупяная	482,5	221,1	45 8
Свеклосахарно-рафинадная	561,6	41,9	7 5
Винокуренно-дрожжевая	69,8	15,4	22.1
Водочная и пиво-медоваренная	156,4	—	—
Табачная	118,7	47,0	39.6
Крахмально-паточная	10,7	4,4	41.1
Маслобойная	85,3	28,7	33.6

Максимальный упадок наблюдается в быв. „помещичьих" отраслях с.-х. индустрии: свеклосахарной и винокуренной. Свеклосахарная—быстро возрождается, но только в районах крупных заводов. Производство сахара растет таким темпом.

Выработано сахара в тысячах пудов:

1921 год	3063,5
1922 „	12752,4
1923 „	23141,6

Соответственно возрождаются и посевы свеклы, которые за два последних года удвоились: в 1922 г.—162 тыс. дес., а на 1924 г.—ожидается 320 тыс. дес. Но это не есть развитие, а только **восстановление** свеклосеяния на территории бывш. помещичьих имений, перешедших к крестьянам или сохраненных при заводах. Крестьянское хозяйство быстро трансформируется в плодосменное, но за **пределами** заводских районов не может быть распространения крестьянского свеклосеяния до тех пор, пока не будет создана сеть мелких заводов по переработке свеклы в полуфабрикат (утфель) или прямо в фабрикат (сахарный песок).

Винокуренное дело может в дальнейшем восстанавливаться, главным образом, лишь за счет экспорта спирта за границу, на что особенно рассчитывать не приходится. Необходимо поэтому перестраивать винокуренные заводы в **ово-**

[1]) По данным ЦСУ.

ще и мясо-сушильни, что отчасти имело место во время мировой и гражданской войны.

Остальные виды индустрии, перерабатывающей с.-х. сырье, эволюционировали за последний год в таком размере:

	1922	1923	Рост в %
Хлопчато-бумажная индустрия (мил. арш.)	508,5	851,4	+67.4
Льняная (мил. арш.)	99,4	164,3	+65.3
Кожевенная (кол. кож. в тыс. крупн.) . .	2805	4495	+60.2
„ („ „ „ „ мелких) . .	2363	3085	+30.5

Таким образом, мы видим быстрый рост всех отраслей крупной текстильной и кожевенной индустрии, кроме шерстяной, страдающей, главным образом, от недостатка сырья и средств приобрести его за границей.

Продукция мелкой кустарно-ремесленной индустрии, по данным ЦСУ, определяется в следующих цифрах (по отношению к отраслям, перерабатывающим с.-х. сырье):

	Валовая продукция сырья.			Стоимость.		
	1912—13	1920	% 1920 к 1912-13 г.	1912—13	1920	% 1920 к 1912-13 г.
Обраб. пищевого прод. . .	659,4	418,7	63.5	604,7	389,4	64 4
„ кож и др. мат. жив.	233,2	75,0	32 2	147,0	47 2	32.1
„ волокна .	351,5	88,6	25.2	255,2	64,3	25.2
ВСЕГО . . .	1244.1	582.3	46.8	1006.9	500.9	49.7

В противоположность крупной промышленности—в мелкой наиболее сохранилось производство пищевых продуктов, иначе говоря, мукомолье на ветряных и водяных мельницах. Это естественно, ибо без перемола нельзя печь хлеб. Но переработка волокна, почти исключительно пенькового и льняного, и кожевенно-обувное дело сильно упали. Потребление волокна кустарями сократилось к 1920 г. в 4 раза, кожи—втрое.

Нам осталось коснуться значения кооперации в с.-х. индустрии. Собственно, только кооперация и частью мелкая кустарная промышленность выполняли важнейшую функцию продвижения промышленности к крестьянскому хозяйству и с.-х. сырью. Без осуществления этой функции рациональное развитие сельского хозяйства невозможно. Но роль кооперации до войны была не велика. одно, лишь маслодельное производство было создано в значительной мере усилиями кооперации; остальные отрасли были захвачены ею весьма слабо.

Что представляет из себя теперь кооперативная индустрия? В 1917—22 г.г. по неполным сведениям потребительской кооперации всех ступеней (но кроме собственных предприятий Центросоюза) находилось следующее количество промышленных предприятий.

	1917 г.	1921 г.	1922 г.
Мельницы	19	160	357
Мыловаренные заводы . . .	18	23	30
Маслобойные	11	49	50
Картофельно-паточные . . .	—	—	25
Сушильни плодов и овощей .	27	78	99
Маслодельн. и сыроварен. .	—	—	2037
Кожевенные	8	21	88

Количество довольно крупное, но производительность этих заводов до сих пор еще очень невелика. Например, в крахмально-паточной индустрии до революции было занято 1208 частных заводов, перерабатывавших свыше 100 милл. пуд. картофеля*). В 1923 г. на заводах Союз-картофеля переработано только 5 милл. пудов, что составляет, впрочем, 50% общего количества картофеля, перерабатываемого на наших заводах.

Самая важная отрасль кооперативной индустрии—маслоделие, дававшее только в Сибири в 1917 г.—3273 тыс. пуд. масла, в 1922 г. дало всего—456 тыс. пуд. Правда, эта отрасль быстро восстанавливается и в 1924 г. кооперативы предполагают собрать 2,6 милл. пудов (по всему Союзу), но, принимая в расчет почти полное уничтожение частного маслоделия и довоенный оборот масла до 9,5 милл. пуд.—нельзя не видеть, что и цифра 1924 г. немногим превышает четвертую часть довоенной. Маслобойное производство, дававшее до войны 25 милл. пудов растительного масла, в 1922 г. доставило всего $1^3/_4$ милл. пуд., из которых заводы потребительской кооперации переработали только 150 тыс. пуд.

Предприятий по первичной переработке льна, свеклы, по мясной индустрии у кооперации почти нет.

В общем итоге, в своем нынешнем состоянии, кооперативная индустрия неспособна в сколько-нибудь заметных размерах обслужить сельское хозяйство. Но при поддержке правительства и благодаря внутренней реорганизации (переход на добровольное членство), усилившей самостоятельность населения и кооперации, она за последнее время выказывает признаки оживления и роста.

---

*) См. А. Лозовой „С.-х. кооперация и значение ее в современных условиях" стр. 137. По другим сведениям, на крахмально-паточных заводах перерабатывалось до войны всего 50 мил. пудов картофеля.

На 1 сентября 1923 г. числилось с.-х. кооперативов:

		% к 1922 г. принятому за 100.
Производительных (колхозы)	12773	101
Подсобно производительных	1611	95
„ по переработке и сбыту с.-х. пр. . .	4279	119
Смешанных (по закупке, сбыту и переработке продуктов сельского хозяйства)	7571	201
Кредитных	1147	
С.-Х. Кредитных товариществ	1056	
С.-Х. Обществ	196	
ВСЕГО	28909	124

Кооперативы по покупке, сбыту и переработке с.-х. продуктов представляют после колхозов наиболее многочисленную группу (34,7% всех). Сюда включаются: молочные, маслодельные и сыроваренные т-ва (2311), затем идут садово-огородные кооперативы (856) и пчеловодные (324), картофельно-терочные (108), овоще-сушильни (36), товарищества поставщиков сахарной свеклы (115), товарищества виноградарства и виноделия (29), льноводные (12) и разные (397).

Универсальные (смешанные) товарищества, главная функция которых—кредитная и торговая, пока видно, мало втянуты в производственную деятельность, но, по мере накопления средств, они будут способны развить и эту сторону своей работы в деревне.

С.-х. кооперация пока еще мало захватила крестьянское население: по данным Сельскосоюза кооперативы 1 степени об'единяют в Р. С. Ф. С. Р.—1.600 тыс. хозяйств, или 11% всех, а на Украине только 256 тыс., т.-е. 5%. Из общего числа членов с.-х. кооперативов, в кооперативах по сбыту с.-х. продуктов и их переработке участвовало в 1923 г. (в Р. С. Ф. С. Р.) только 173,6 тыс. чел., или 12, 8% всех хозяйств, втянутых в кооперацию, что составляет лишь немногим больше одной сотой общего числа всех крестьянских хозяйств.

Отсюда видно, какую еще незначительную роль играет кооперация в индустриализации крестьянского сельского хозяйства и какая обширная работа предстоит ей в ближайшие годы.

ВЫВОДЫ: Таким образом, современное состояние с.-х. индустрии значительно хуже довоенного В крупной с.-х. индустрии наиболее пострадали отрасли пищевкусовой промышленности, в частности, винокуренное и сахарное производство, хотя последнее обнаруживает сейчас признаки быстрого возрождения, в пределах прежних районов свеклосеяния и сахарных заводов.

Крупная мясная индустрия, существовавшая до войны в ничтожных размерах, прекратилась почти совсем. Мелкая и средняя с.-х. промышленность пострадали, повидимому, в большей степени: напр., крахмальнопаточная сократилась в 10 раз, маслодельная—до последнего времени в 4 раза и т. д. Теперь почти все отрасли мелкой и средней индустрии, обслуживающей непосредственно крестьянские хозяйства, сконцентрированы в кооперации. Кооперативная промышленность пока еще слаба и силами и средствами; в кооперативных организациях, обслуживающих промышленные предприятия, учавствует не более 1% крестьянских хозяйств. В кооперативных союзах и центрах промышленных предприятий—значительно больше: но все же их производительность во много раз меньше довоенной. Однако, параллельно с развитием кредитных и торговых операций кооперативов, надо надеяться, что и производственная сторона не будет ими упущена.

Тяга крестьянства к интенсификации.

Можно смело сказать, что до последнего трехлетья крестьянство в своей массе, в агрикультурном отношении пребывало в состоянии зимней спячки. Правда, до войны мы наблюдали, параллельно с ростом рыночности крестьянского хозяйства, убыстренный процесс интенсификации сельского хозяйства, выражавшийся в расширении посевов разных технических растений для сбыта. Но этот процесс происходил по большей части независимо от указаний агрономии, а иногда даже вопреки им, спорадически, без рационализации всей системы сельского хозяйства в его целом. Тягу к агрикультуре вообще проявляли только единоличные передовые хозяйства, главным образом, не-хуторян.

В истекшее семилетие 1914—21 г. г. хозяйственная разруха и политические потрясения вырвали с корнем тощие ростки крестьянской агрикультуры. Но вот перед нами лежат выборки из отчетных и плановых материалов 23 губернских и областных земорганов, касающиеся вопросов „о прогрессивных течениях в крестьянском хозяйстве".

Свести эти выборки в какие-либо таблицы, дающие общую картину под'ема крестьянской агрикультуры, главным образом, за 1922—23 г. г.,—невозможно. Поэтому нам приходится давать сжатые сводки отрывочных материалов по главным областям Р. С. Ф. С. Р.

1) Запад и Северо-Запад. Районы этой области всегда принадлежали к более интенсивным. Возрождение сельского хозяйства здесь началось уже с 1921 года. Массовая тяга крестьян к агрикультуре—повсеместна. Впереди всех в этом отношении идет, по видимому, Гомельская губерния, где площадь под интенсивными культурами

расширилась за последний год более, чем вдвое, а переход на многополье отмечен в 1962 селениях и хуторах с 333, 4 тыс. дес., что составляет около $^1/_6$ всей пашни. Ранний пар в 1922 году охватывал 24, 3 процента озимого клина, в 1923—30, 3%, в 1922 году—37,4. В этой губернии агрикультурный прогресс перешагнул далеко за довоенный уровень. В других губерниях Западнаго района—Витебской и Смоленской, наоборот, хотя и идет реставрация, но медленно, и площадь под льном и кормовыми травами еще в 2—3 раза ниже довоенной. Переход к многополью только намечается, хотя в Витебской губернии собираются перейти в 1924 году до $^1/_4$ всех хозяйств (59 000).

Ярче признаки с.-х. прогресса в Северо-Западной Области. Здесь даже в Северной Вологодской губернии ясно намечается сдвиг в сторону интенсификации. Это выражается прежде всего в форме смены трехполья многопольными севооборотами. Уже в 1922 году зарегистрировано 2, 8% общин, перешедших на многополье и 17% всех хуторян.

Далее, в Ленинградской губернии, где довольно сильно растет травосеяние и льноводство, и площадь под льном, травами и картофелем с 32, 8 тыс дес. в 1920 г. поднялась к 1923 г. до 41 тыс. дес., на правильное многополье переведено до 30 тыс. дес. Еще более заметен сдвиг от обычной трехполки в сторону многополья с посевом клевера в хуторизированной Псковской губ. Здесь население губернии начинает осознавать невыгодность старых приемов обработки почвы и необходимость перехода к новым культурным способам ведения хозяйства. Это сознание отражается на деле чрезвычайно быстрым ростом посевов трав, льна и картофеля.

(В тыс. десятин).

	Однолетн. и многол. травы.	Л е н.	Картофель.	ВСЕГО.
1921 г.	16,0	16,1	18,7	50,8
1922 г.	31,3	19,6	33,2	84,1
1923 г.	62,7	44,9	41,2	148,8

За 2 года площадь этих главных интенсивных культур почти утроилась. Цифры посевов картофеля и трав уже близки к довоенным.

Значительно более отстает Новгородская губерния, хотя в ней „под влиянием агропропаганды почти повсеместно удалось добиться специальных постановлений целых селений об обязательной очистке семенного материала, введении раннего пара, производстве зяблевой вспашки, переходе на широкие полосы и введении многополья".

В общем, агрикультурный под'ем охватил в Северо-Западной и Западной областях, пока лишь отдельные губернии

и уезды. Из губерний впереди всех идут Гомельская и Псковская, где наблюдается сильная тяга к хуторизации. В Ленинградской губ. тяга к прогрессу вызывается тем обстоятельством, что, за сокращением отхожих заработков в центре, население вынуждено более энергично использовать свои силы в сельском хозяйстве и кормиться от него.

2) Промышленный центр. Здесь агрикультурный прогресс движется гораздо более сплоченным фронтом. Имеющийся материал устанавливает факт широкого развития культурных начинаний во всех губерниях области. Во Владимирской губернии специальным обследованием 4.000 селений зарегистрировано 232 села с правильным многопольным севооборотом. Отдельных случаев улучшения, особенно введения ранних паров, зяблевой вспашки, рядового посева—больше, чем до войны. Скотоводство превышает цифры 1916 года (число лошадей на 25%, крупного рогатого скота на 20%, овец на 30%). В общем, сельское хозяйство стремится к „животноводческо-технико-заводской системе с преобладанием промышленных культур". В более глухой Костромской губернии „искания улучшенных способов ведения хозяйства имеют место везде". Существует тяга к переходу на широкие полосы к развитию паротравопольной системы.

В Калужской губ., как и всюду в области, особенно растет травосеяние (56% за 1923 г.) Общая посевная площадь здесь достигла 95% довоенной, а скот превзошел довоенный: лошадей — больше на 5,6%; крупного рогатого скота— на 43,3%, свиней на 23,3%. 483 селений и 636 хуторов имеют клеверосеяние, площадь которого дошла до 17 тыс. дес., из них в правильном многопольном севообороте около $^1/_3$. До войны Калужская губерния была одной из самых отсталых.

В северо-черноземном районе, как и в промышленном центре, „в сознании крестьян произошел большой сдвиг, и никогда вся толща крестьянской массы не была так чутка к улучшению техники ведения хозяйства, как в настоящее время".

3) Средне-черноземная область, пережившая ряд неурожаев, достигших степени небывалого голода в Поволжьи, прогрессирует в общем слабее, чем Запад и Промышленный центр. Впереди — земледельческий центр — Курская, Воронежская, Тамбовская губернии. Тут „крестьяне после недавних бедствий прислушиваются к голосу агронома, и, несмотря на недостаток инвентаря, ранний пар и зяблевая вспашка внедряются в крестьянское хозяйство".

В среднем и нижнем Поволжьи элементарные улучшения приемов обработки почвы распространяются почти таким же темпом, как и в других областях. Но интенсификация земледелия и, в частности, переход на многополье далеко отстают от запада и промышленного центра. Так, в Курской

губернии только в 1924 году предполагается переход всего 4.000 хозяйств с 23.000 дес., в Поволжьи перешло 93 поселка и 52 коммуны и хутора с площадью 58 тыс. дес., в Пензенской только — 4 деревни и 61 хутор, в Симбирской всего — 2,7 тыс. хозяйств с площадью 20,2 тыс. дес. Но все же и здесь переход на многополье перешел за грань единичных исключений.

4) Юго-восток и восток. — Здесь, в царстве недавнего хищнического интенсивного зернового хозяйства ожидать какого-либо серьезного движения к интенсификации, тем более, после голода, обессилевшего крестьян, не приходится. И действительно, в нижнем Поволжьи, в Самарской губернии даже ранний пар (44,5 тыс. дес.) захватил только 5,4 % озимого клина, а в Царицынской—2,2 %. Вспашка под зябь здесь распространена шире, (в Царицынской — 17,2% ярового клина). На Кубани, кроме зяблевой вспашки (257,6 тыс. дес. — 24% ярового против 15% довоенного) следует отметить, что очищено зерна 1.300 тыс. пудов—10% всего посевного материала. Здесь пропашной клин (кукуруза, подсолнух) расширился с 15% в 1916 г. до 20% в 1923 г.; в 1924 г. предполагается его увеличение до 34%, чем достигается очищение поля от сорных трав и повышение урожайности. Количество свиней увеличилось с 98 тыс. 1922 г. до 351 тыс. в 1923 г.

Наконец, на азиатском востоке в Киргизии отметить нечего. В Сибири — в Омской губернии ведется широкая пропаганда паро-травопольной системы, давшая пока, впрочем, очень малый эффект: к многопольно-травяной системе перешло в 1923 г. одно селение и 10 единичных хозяйств. Зато площади раннего пара и зяблевой вспашки выросли по сравнению с прошлым годом на 60%. Несколько расширяется в Сибири площадь под льном (с 52 тыс. десятин в 1922 г. до 61 тыс. в 1923 г.) Сибиряки рассчитывают на благоприятную коньюнктуру для экспорта льна — волокна.

ВЫВОДЫ. В общем, как и следовало ожидать, тяга к агрикультуре растет по направлению с юго-востока на северо-запад. Тенденция к интенсификации наблюдалась в том же направлении и до войны; отсюда очевидно, что она вполне устойчива. В западных и центральных областях весенние всходы крестьянской агрикультуры наиболее густы и крепки. Но и на юге-востоке, кроме одинаково распространившихся всюду улучшенных приемов обработки почвы (раннего пара и вспашки на зябь), мы встречаем борьбу за пропашной клин, который в 1923 г. начал было исчезать за отсутствием сбыта для кукурузы, но теперь появился устойчивый спрос за границей и внутри страны (переработка на крахмал); да и сами крестьяне если не едят кукурузу, то, откармливая на ней свиней, учетверили на Кубани их количество за один год.

Можно думать, что американизация северо-кавказского земледелия (в смысле введения кукурузного клина) стала, наконец, на твердую почву.

Весенние всходы массовой крестьянской агрикультуры растут и ширятся, и 1924 г. принесет нам, несомненно, новые завоевания. Иначе не может быть, ибо здесь дело не только в пропаганде и помощи сверху, при всей нашей бедности, принявшей небывалые до войны размеры. Здесь главное в том, что снизу эта пропаганда и помощь встречают живейший отклик. Крестьянство начинает сознавать, что интенсификация—единственный способ подняться над уровнем постоянного полуголодного нищенского существования. Других выходов уже нет, или они слишком узки. Нет помещичьего земельного фонда, переселенческий резко сузился, а выход в города не вмещает и десятой доли избыточного населения деревни.

Отсюда основная задача данного момента для крестьян добывать своими руками из наличных природных благ средства существования и необходимый для дальнейшего развития с.-х. капитал,—фактор, находящийся у нас в минимуме.

Вот почему вся наша агрикультура должна базироваться на методе повышения трудо-интенсивности крестьян и, как видно из изложенного, в этом направлении она и идет.

Не тракторы и сложные машины, а те же сохи и плуги производят ранние пары и зяблевую вспашку; избыточные рабочие руки расширяют посевы технических растений, кормовой и пропашной клин, очищают зерно, и, как увенчание здания, переводят все хозяйство на правильное многополье.

Поэтому можно думать, что несмотря на крайний недостаток средств у населения и у местных и центральных земорганов, массовая агрикультура будет расти у нас в геометрической прогрессии, если только рыночные условия, необходимые для ее развития, будут более или менее благоприятны, а также, если на организацию крупной государственной и средней и мелко-кооперативной сельскохозяйственной индустрии будет обращено должное внимание.

Возрождение земледелия.

Вышеизложенный фактический материал, характеризующий рост рынка и индустрии в последние годы, а также возрастающую тягу крестьян к рынку и интенсификации, уже заранее заставляет предполагать, что в 1923 г. в земледелии СССР должен был произойти заметный сдвиг в сторону общего и повсеместного под'ема посевных площадей.

И действительно, по нашим расчетам (с надбавкой на недоучет) посевные площади в 1922 г. достигли 62,7 мил.

дес., а в 1923 г. они увеличились до 71,2 мил. дес, т.-е. расширились на 12%. По данным же ЦСУ увеличение достигло 19,6%. По последним своим подсчетам (см. Народное Х-во СССР в цифрах) ЦСУ определяет посев 1922 г. в 58,7мил. дес., а 1923 г.—в 69,9 мил. дес. Но такой сильный прирост—вероятно, результат недоучета посевов 1922 г., оказавшегося после всех надбавок ЦСУ.

Эволюция посевных площадей в 1923 г. была далеко неодинаковой в различных районах. Сравнивая процент повышения по отдельным районам, мы подмечаем удивительную правильность роста этого % по направлению с запада на восток в нечерноземной и черноземной полосах отдельно:

Возрастание посевов (по районам Госплана) в %%

Нечерноземная полоса.		Черноземная полоса	
Районы.	%% прироста.	Районы.	%% прироста.
Сев.-восточный	+ 6,7	Юго-западный (Украина —лесостепь)	+ 1,2
Сев.-западный	+ 7,4	Центр.-Землед.	+ 10,3
Западный	+ 9,4	Средне-Волжск.	+ 21,8
Центр.-Промышл.	+ 16,5	Сев-Кавказск.	+ 29,5
Вят.-Ветлужский	+ 24,5	Нижне-Волжский	+ 31,5
Урал	+ 26,4	Украина-степь (Новороссия)	+ 32,2

Азиатская Россия.

Сибирь. . . . . + 23,7
Киргизия . . . . — 6,2*)

Эта правильность происходит от двух основных причин: районы запада, севера и отчасти центра, в которых посевы, как видно из таблицы, нигде не повышались более, чем на 10% (за исключением Центр.—Промышленного), не переживали голода, и возрождение земледелия, начавшееся в них с 1921 г., т.-е. с периода НЕП'а, происходило более медленным

*) Таким образом, в 1923 г. только по Киргизии наблюдалось падение посевов.

темпом; районы востока и юго-востока испытали в 1921 г. грандиозное бедствие, отразившееся максимальным снижением посевов в 1922 г., и поэтому их посевные площади сразу расширились на 22—32%. По данным, имеющимся в настоящее время, можно заключить, что и в нынешнем 1924 г. наиболее пострадавшие районы черноземного юга и юго-востока должны были проявить гораздо более энергичную тенденцию к возрождению посевной площади, чем районы запада и центра.

Процент ожидаемого прироста посевов в 1924 г.

(по районам Госплана).

Нечерноземная полоса.		Черноземная полоса.	
Районы.	%% прироста.	Районы.	%% прироста.
Сев.-восточный	+ 3,3	Украина	+ 5,5
Сев.-западный	+ 1,5	Центр.—Земледельч	+ 6,8
Западный	+ 3,0	Средне-Волжский	+ 12,0
Центр.-Промышлен	+ 6,1	Нижне-Волжск.	+ 14,6
Вятско Ветлужский	+ 12,7	Сев. Кавказ	+ 15,6
Урал	+ 14,5		
Сибирь	+20,3		
Киргизия	+20,9		
Весь СССР	9,5		

В начале этого года, по имеющимся данным, можно было ожидать увеличения посевов до 78,1 мил. дес., т.-е. до 4/5 площади 1913 г. Но засуха, начавшаяся в некоторых местах на юго-востоке, могла несколько сократить яровые посевы, хотя имеющиеся сейчас сведения свидетельствуют об уже произведенном расширении посевов 1924 г. на 10,6%.

Неодинаков был в 1923 г. и прирост посевов отдельных культур. Обращаясь к группе зерновых, мы замечаем в ней такие изменения (в мил. дес.):

Культуры	1913 г.	1922 г. (с надбавкой)	1923 г.	Рост в %% за 1922—23 г.	% отношение 1923 г. к 1913 г. прин. за 100
Рожь озим. и яровая	26,0	21,4	24,3	+ 14,0	95,0
Пшеница оз.	5,5	3,9	4,0	+ 2,6	72,7
Пшеница яр.	23,4	6,5	9,1	+ 40,0	38,9
Овес	16,6	8.5	9,7	+ 14,1	58,4
Ячмень	10,4	3,6	6,2	+ 72,2	59,6
Гречиха	2,0	2,1	2,4	+ 14,3	120,0
Просо	3,3	6,8	5,4	— 20,6	163.6
Кукуруза	0,9	2,5	1,6	— 36,0	177,8
Итого зерновых	88.1	55,3	62,7	+13,4	71,2

По темпу прироста в 1923 г. зерновые культуры можно разделить на 3 группы: с умеренным приростом до 14%, главным образом, продовольственные. рожь, пшеница озимая, гречиха, а также овес; с максимальным приростом—рыночные—пшеница яровая (+40%) и ячмень (+72%); третья группа убывающие—просо (—21%) и кукуруза (—36%), которые после голодного года, благодаря тому, что они требовали мало семян и семена их давались в ссуду, расширились особенно сильно. Все же и сейчас посевы этих культур на 64—78% превышают по площади довоенные, тогда как яровая пшеница и ячмень, несмотря на очень большой прирост, достигают сейчас 40—60% довоенных. Площади зерновых с умеренным приростом, наоборот, уже близки к довоенным, кроме овса. Но потребность в овсе резко снижена, благодаря сокращению числа лошадей.

Итак, в общем зерновые культуры тендируют в сторону усиленной реставрации рыночных пшеницы и ячменя, для которых экономическая коньюнктура к концу 1923 г. стала более благоприятной. Поэтому, надо думать, что и в будущем году сохранится такая же тенденция. Так как эти зерновые культивируются, преимущественно, на юге и юго-востоке, то здесь мы наблюдаем особенно сильные перемещения пропорции культур, характеризующиеся такими соотношениями:

	1913 г.	1922 г.	1923 г.
Озимые (рожь и пшеница)	25,7	35,8	35,8
Яровые рыночные (пшеница, ячмень)	58,8	20,3	35,3
Пропашные (просо, кукуруза, подсолнух)	3,8	31,3	19,0

Отсюда видно, что за последние годы на юго-востоке расширился сильно озимый клин и вырос пропашной, вытеснивший группу рыночных зерновых в 1922 г., но в 1923 г рыночные культуры снова вытесняют пропашные.

Рост интенсивных и технических культур.

Интенсивные и технические растения, в общем выросли сильнее зерновых. По собранным нами из различных источников материалам*), мы получили такие итоговые цифры означенных культур (только полевых):

---

*) По ЦСУ взяты данные по картофелю и подсолнуху; по льну, конопле и кормовым травам по местным материалам; по хлопку, свекле, табаку—по отчетам Проморганов.

В тыс. десятин (без надбавки).

		1922 г.	1923 г.	Рост. в %%	% к довоенной площади.
Корнеплоды	картофель	1422	1878	+ 32	71,0
	сахарная свекла	161	227	+ 41	38,0
Масличные	Лен	695	778	+ 12	64,5
и волокн.	Конопля	349	416	+ 19	83,0
	Подсолнух	1520	1613	+ 6	222,0
	Хлопок	64,4	185,5	+ 188	33,0
	Кормовые травы	590	755	+ 11	50,0
	Табак: а) желтый	1,8	15,5	+ 76,1	—
	б) махорка	4,3	20,0	+ 36,5	56,0
	Всего	4837,5	5787,0	+ 20	—

Это далеко не все культуры и не все их площади во 1-х, здесь не имеется бобовых—гороха, чечевицы, бобов. По гороху местные материалы 23 губерний дают повышение на 26%; с 1921 г. площадь гороха возрасла всего на 60,5%. Приблизительно, площадь бобовых достигает не менее 600—700 тыс. дес. Во 2-х, еще более важный пропуск бахчевых растений, особенно сильно выросших за последний год. По одной Царицынской губ. площадь под арбузами расширилась с 40 тыс. дес. до 70 тыс. (см. Союз Потребителей № 10—11). Общая площадь под бахчами достигает, вероятно, 450—500 тыс. дес. В 3-х, о г о р о д н ы е культуры: площадь под огородами в 1920 г. достигала около 2 мил. дес. В 1923 г. она составляет не менее 2,4 мил. дес. Сверх того, надо иметь в виду, что площадь кормовых трав, показанная выше, вероятно преуменьшена. По материалам НКЗ только под клевером было в 1923 г. 400 тыс. дес. Весьма выросли также посева люпина на западе и т. д. Поэтому можно полагать, что общая площадь по травосеянию дошла в 1923 г. до 800—900 тыс. дес. Наконец, разные мелкие культуры (рапс, рыжик, хмель, турнепс и пр.) занимают, вероятно, не менее 100—150 тыс. десятин.

В общем итоге, все перечисленные интенсивные культуры, полевые и огородные занимают площадь около 3500 т. дес., а все растения этой группы 9300 тыс. дес., или до 12% всех посевов. Одна п о л е в а я площадь составляет 9,7% всей. Несомненно, эта группа трудоемких культур, при благоприятной рыночной коньюнктуре, будет расти в следующем году быстрее группы зерновых, так как запасы избыточного труда в густо населенных районах очень велики.

Валовые сборы.

Валовые сборы зерновых хлебов в 1923 г. равнялись (в мил. пудов с надбавкой Госплана)

Культуры	1923 г.	1911—15 гг.	% сбора 1923 г. к 1911—15 гг.
Рожь озимая и яровая	1108,1	1329	83,4
Пшеница озим .	239,7	372	64,4
Пшеница яров. .	295,8	891	33,2
Овес	468,0	840	55,7
Ячмень	277,0	554	50,0
Гречиха	87,6	65	134,8
Просо	21,2	147	155
Кукуруза	134,6	73	184,4
Всего . . .	2832,9	4271	66,3

Отсюда видно, что сборы рыночных зерновых—пшеницы и ячменя, несмотря на тенденцию крестьян к усиленному их расширению, за последний год достигли 2/3 довоенных. И потому рискованным представляется рассчитывать на возможный под'ем экспорта зерновых в один—два года до 400 мил. пудов, тем более, что надвигающийся неурожай охватывает как раз пшенично-ячменные экспортные районы юго-востока.

Сборы технических и интенсивных культур отличаются крайней неточностью подсчетов. Так, сборы волокна льна по последним данным сборника „Народное Хозяйство СССР" определяются ЦСУ в 1222 г. в 16,1 мил. пуд, в 1923 г.—18,6 мил пуд. Сбор чистого волокна (трепаного и чесаного, кроме кудели и пакли) составляет 60% общего сбора мятого льна; следовательно, в 1922 г. 9,7 мил., в 1923 г. 11,2 мил. пуд. Другие авторы (напр., проф. Федоров) снижают эту последнюю цифру до 7,7 мил. пуд. Мы считаем наиболее правильным среднее исчисление Льноцентра—в 9,5—10 мил. пуд. чистого волокна.. Эта цифра относится, преимущественно, к тем районам, в которых производство льна на волокно укоренилось более или менее прочно еще до революции. Но, несомненно, что во время гражданской войны посевы льна на волокно распространились в виде небольших полосок на полях и усадьбах почти во всех районах, так как крестьянам пришлось за недостатком фабричных ситцев одеваться в домотканые холсты. Нам приходилось самолично в Сибири видеть эти полоски, никем не учитываемые. Сколько их, сказать трудно, но все же, при учете местного крестьянского потребления льна, необходимо принять во внимание этот факт. Местная потребность крестьян в волокне опреде-

ляется единогласно всеми источниками в 3—максимум в 3,5 мил. пуд. Потребность нашей льняной промышленности в волокне исчислялась различно: по наиболее точным данным сборника „Русская промышленность, в 1923—24 гг. переработано 2642,4 тыс. пуд. льна—трепаного, чесаного и кудели. Остаток на 1-ое октября 1922 г.—506 тыс. пуд, волокна и 360 тыс пуд очеса и кудели. На 1923 г.—1924 гг. требуется 3,5—4 мил. пуд. Наконец, за границу было вывезено: в 1922 (календарном) году 2153 тыс. пуд. волокна и 701 тыс. пуд. кудели и очеса, в 1923 г—1617 тыс. пуд. волокна и 444 тыс. пуд. кудели и очеса. Таким образом, если считать валовой сбор чистого волокна за два года 1922 и 1923 в 21 мил пуд., то на местное потребление в эти годы уходит 6—7 мил. пуд., фабрично заводская промышленность потребует 6—6,5 мил. пуд., за границу отправлено 3,8 мил. пуд. (без кудели и очеса), а всего максимум 17,3 мил. пудов. Следовательно, у крестьян льноводов должен еще иметься запас до 3,5 мил. пуд., расположенный, впрочем, в таких районах, до которых госорганы еще не добрались, или которые они захватили мало: это во 1-х—западный район, во 2-х—Приуралье, в 3-х—Сибирь. Сибирская кооперация принялась за последнее время за заготовки льна, но на западе и Приуралье она еще не работает. Этим и об'ясняется недостаток льна, ощущаемый по временам трестами и загот.-органами. Лен есть, но там, где они не могли или не думали его собирать.

Полевые сборы волокна конопли по ЦСУ в 1922 г.—17 мил. пуд., в 1923 г.—13 мил. пуд. По сборнику „Народное Хозяйство СССР"—19,3 мил. пуд., выше, чем в 1916 г. По цифрам, сообщенным ЦСУ Пенькотрестом из волохна выходит около 70% чистой пеньки и до 30% пакли и угара. Следовательно, из 36 мил. пуд. сбора волокна за два последние года по данным ЦСУ должно было выйти до 25 мил. пуд. чистого пенькового волокна и 11 мил. пуд. пакли и угара. Вероятно, эти цифры преувеличены так же, как и посевная площадь, не менее, чем на 15—20%, т е. сбор чистого волокна за два года не превысил 20 мил. пудов.

В губерниях промышленного коноплеводства, по расчетам органов ВСНХ, находится 280 тыс. дес., сбор пеньки 1923 г.—6 мил. пуд, 1922 г.—3 мил. пуд. Потребность промышленности на 1923—24 г. кругло—1 милл. пуд., в 1922 г. требовалось 840 тыс. пудов. Экспортировано в 1922 г. 668 тыс. пуд., в 1923 г.—268 тыс. пуд., итого за два года 936 тыс. пуд., а с потреблением крупной промышленности — 2,8 милл. пуд. Крестьянское потребление волокна-сырца достигало до войны 9—10 милл. пуд. (т-е. 6—7 милл. пуд. пеньки) и сейчас, вероятно, не меньше.

Отсюда надо полагать, что по всей территории союза запасы пеньки будут не менее 3—4 милл. пуд., из которых

на рынок могло бы пойти от 1 до 2 милл. пуд. Главный район коноплеводства — Центрально Земледельческий — выказывает слабую тенденцию к возрождению: в 1913 г. тут было полевых посевов 141 тыс. дес., 1922 г.—88 тыс., в 1923 г.—85 тыс. Лучше обстоит дело с западным районом, где в 1913 г. было 46 тыс. дес., 1922 г. — 39 тыс, в 1923 г.—59 тыс. Возрождается конопля и на Урале (30 тыс. дес. в 1922 г., 45 тыс. в 1923 г) и в среднем Поволжьи (1920 г.—17 тыс., 1922 г —41 тыс., 1923 г.—51 тыс.). В Сибири, также как и по льну, площадь 1923 г. сравнялась с довоенной (54 тыс.).

В общем, однако, коноплеводство возрождается более вяло, чем льноводство: и это понятно, ибо рыночный спрос на пеньковые продукты как за границей, так и внутри страны, весьма невелик.

Хлопок. Хлопководство чрезвычайно быстро и сильно упавшее за 1916—22 г.г., также интенсивно начинает возрождаться. По данным сборника „Русская промышленность" в 1923 г., площадь под хлопком за три последних года в пределах СССР с Бухарой и Хивой изменялась таким образом (в тыс. десятин):

	Туркестан	Бухара с Хивой.	Закавказье.	Итого.
1921 г	88,0	19,0	2,5	109,5
1922 „	51,4	12,0	1,0	64,4
1923 „	156,0	9,5	(20,0)	(185,5)

По более точным и позднейшим данным Главхлопкома (см. план возрождения хлопководства в СССР) под хлопком было (в тыс. дес.):

Туркестан	152
Бухара	20
Хорезм.	9,5
Закавказье	25
Итого	206,5

Повидимому, цифры ВСНХ не охватывают хлопковых посевов Бухары, а по Закавказью были лишь предварительными. Поэтому, более достоверными можно считать цифры Главхлопкома. Продукция определяется обоими источниками согласно, а именно:

Готового волокна:

В 1921 г.	571,5	тыс. пуд.
„ 1922 г.	732,0	„ „
„ 1923 г.	2.500,0	„ „

По последним сведениям, за настоящий сезон уже получено русского хлопка 3.100 тыс. пуд.

Перспективы на 1924 г. рисуются весьма благоприятно По последним данным засеяно более 400 тыс. дес.—вдвое более прошлогоднего и получить 6—6,5 милл. пуд. чистого волокна, что почти соответствует современной потребности нашей хлопчатобумажной промышленности. В 1922—23 г.г. израсходовано 5.082 тыс. пудов, потребность на 1923—24 г.г. исчислена окончательно в количестве 6 600 тыс. пуд., но на 1924—25 г.г., в связи с необходимостью сильно расширить программу, благодаря увеличению спроса на мануфактуру со стороны крестьян,—потребность нашей индустрии дойдет не менее, чем до 7—8 милл. пуд. и дефицит в 1,5—2 милл. пудов неизбежно снова покрыть привозом из-за границы.

Сборы масличных семян за два последних года, сравнительно с довоенным временем, по прежним и новейшим данным ЦСУ изменились таким образом:

Сбор масличных семян в мил пуд

	До войны при среднем урожае.	(По прежним данным ЦСУ) 1922 г.	1923 г.	По сбор. Нар. хозяйства СССР 1922	1923 г.
Льняных	32,6	15,7	17,1	17,0	19,0
Конопляных	16,8	13,4	16,6	15,7	19,1
Подсолнечных	53,3	81,0	90,9	92,5	103,4
Всего . . .	102,7	110,1	124,6	125,1	141,5

Прежние данные ЦСУ по маслосеменам можно считать более достоверными, чем по остальным спецкультурам. Из них видно, что сборы льняных семян сравнительно с довоенными, понизились вдвое, сборы конопляных остались почти без перемен.

Рыночная доля масло-семян в 1922 г. определялась не менее чем в 65 мил. пуд., в 1923 г.—рыночная доля семян подсолнуха составляет 59 мил. пуд., льняных—5—6 мил. пуд., конопляных, вероятно, такое же количество, всего до 80 милл. пуд. [1]). При таком количестве сырья, выработка на крупных заводах не поглощает значительной его части.

Сборы сахарной свеклы возрождаются быстро. Собрано.

в 1921 г. . . . . 25 милл. пуд.
„ 1922 „ . . . . . 92,5 „ „
„ 1923 „ . . . . . 132,1 „ „

[1]) Представители государственной маслобойной промышленности считают эти сведения (ЦСУ) преувеличенными, указывая, что большинство маслосемян потребляется самими крестьянами.

Однако, до сих пор сборы составляют лишь $^1/_4$ часть довоенных.

Так как до войны $^1/_3$ свекловичных посевов сосредочивалось в заводских имениях и помещичьих хозяйствах, то основная задача ближайшего будущего ускорить процесс развития крестьянского свеклосеяния, неразрывно связанного с плодосменным севооборотом. В эту сторону и направляются сейчас усилия деятелей по сахарной промышленности, и благодаря тому, что крестьяне сами идут им навстречу— за последнее время достигнуты значительные успехи. Так, площади посева сахарной свеклы в хозяйствах различных категорий составляют: (тыс. дес.).

Годы	Заводские посевы.		Помещичьи посевы.		Крестьян посевы		Всего.	
	Абс	В %%%	Абс.	В %%%	Абс.	В %%%	Абс	В %%%
В среднем за довоен. 5 лет	204,5	35,6	244,9	42,7	124,5	21,7	573,9	100
1921—22 г.	47,1	23,6	—	—	153,0	76,4	200,1	100
1922—23 „	19,9	12,4	—	—	140,8	87,6	160,7	100
1923—24 „	19,6	8,6	—	—	207,7	91,4	227,3	100

Таким образом, доля крестьянских посевов систематически растет, — начиная с довоенного периода. Заводские имения, обладая сейчас земельным фондом в 800 тыс. дес., не в состоянии обработать большой площади, в виду недостатка рабочего скота и инвентаря и необходимых построек.

На 100 дес. пахоты приходилось в 1923 г. всего 1,5 лошадей и 2,2 волов. К концу 1923 г. у заводов обеспеченность живым инвентарем дошла всего до 37% минимальной потребности, а мертвым до 40%. Поэтому, в будущем внимание должно быть сосредоточено на развитии крестьянских посевов свеклы.

Главных районов свеклосеяния два: центрально-земледельческий и Украина—лесостепь. На протяжении XX века площадь под свеклой в этих районах изменялась таким образом: (тыс. дес.).

	Центрально-землед	Украина (лесостепь)
1901-2 г.	71,2	350,6
1913 „	128,4	555,4
1916 „	90,6	367,0
1920 „	27,7	—
1922 „	33,9	128,7
1923 „	44,2	177,2

Падение и восстановление свеклосеяния шло в этих районах одинаковым темпом, так как производство свеклы

в полной мере зависит от деятельности крупной свеклосахарной промышленности, которая, будучи сконцентрирована в руках государства, возрождается за последний год одинаковым темпом. Эта концентрация не дает возможности развиться свеклосеянию во многих других районах черноземной полосы, где по природным и экономическим условиям оно бы могло иметь широкое распространение (например, в среднем Поволжьи и в южной части Западного района).

Между тем, свекловичный клин чрезвычайно важный проводник плодосменного севооборота в крестьянскую среду.

На сборах картофеля нам долго не придется останавливаться, ибо продукция этого универсального корнеплода, идущего и на продовольствие населения и на корм скоту и на техническую переработку, с полевых и усадебных посевов, достигающих 2,8 мил. дес. в совокупности, равнялась по ЦСУ в 1923 г. — 1.691 мил. пудов, т.-е. почти достигла довоенной (около 1800 милл. пуд. в 1911—15 г.г), а в некоторых районах даже превзошла ее.

Табак. Из мелких культур необходимо уделить внимание табаководству. Посев и сбор желтых табаков равнялся:

	Посев. тыс. десят.	Сбор тысяч пудов.
1913 г.	14,5	1.385,9
1922 „	1,8	365,0
1923 „	15,5	750,0

Таким образом, посев 1923 г. уже превысил площадь 1913 г., но сбор оказался менее довоенного на 636 тыс. пуд., т.-е. почти в 2 раза. Между тем, табачная индустрия в 1922—23 г. поглотила не более 500—600 тыс. пудов. В 1923—24 г. программа выработки еще более сокращена, отсюда возникает тенденция к вывозу избытков сырья за границу. В 1922—23 г. табака желтого и нисших сортов вывезено всего 308 тыс. пуд. на сумму 2,7 мил. рублей; в 1923—24 г. предполагается к вывозу только желтых— 100 тыс. пуд. на сумму 1,5 мил. рублей:

Площадь посевов махорки равнялась:

	Посев. тыс. десят.	Сбор тысяч пудов.
1913 г.	31,7	4.744
1921 „	0,7	65
1922 „	4,3	500
1923 „	20,0	3.000

Посевы и сборы махорки указывают также на значительный их рост в 1923 г., когда они достигают $^2/_3$ довоен-

ных, увеличившись сразу с 1922 г. в 5—6 раз. Наибольшее увеличение падает на Украину.

Переработка махорки в 1921—22 г. достигла 731 тыс. пуд., в 1922—23 г.—854 тыс пуд. До войны перерабатывалось 4 752 тыс. пуд. В 1923—24 г. предположено переработать на заводах в Великороссии 560 тыс. пуд., на Украине в прошлом году было переработано до 550 тыс. пуд. Таким образом, фабричная переработка внешнего операционного года сможет охватить не более 1,1—1,2 мил. пуд., т. е. около 40% сбора.

ВЫВОДЫ. Заканчивая на этом краткий анализ состояния и развития главных сырьевых культур за истекшее 3-летие, мы можем констатировать, что за последний год продукция большинства из них настолько возросла, что покрывает с избытком внутренние потребности нашей с.-х. индустрии; это положение относится к следующим видам сырья: льну и конопле (на волокно), маслосеменам и табаку. Посевы и сборы сахарной свекловицы зависят в значительной степени от сахарной промышленности и, надо полагать, что ожидаемый дальнейший рост этой последней должен развиться параллельно с крестьянским свеклосеянием.

Только одна культура хлопка отстает сейчас от продукции хлопчатобумажной индустрии. Но есть основание надеяться, что в будущем году она почти догонит эту последнюю.

Эволюция скотоводства.

По первоначальным сведениям в 1923 г. оказался неожиданно довольно большой прирост количества скота. Но потом выяснилось (по данным ЦСУ), что этот видимый прирост об'ясняется, в значительной мере, недоучетом скота в 1922 г. Исправив данные 1922 г. ЦСУ получило в конечном итоге такие цифры скота за 1922—1923 гг. (тыс.).

	1922 г	1923 г	Изменения в % %
Лошадей рабочих . . .	16.760	16.436	— 1,7
Молодняка и жереб. .	3.406	3.599	+ 5,7
Всего. . .	20.166	20.035	— 0,7
Крупного рог. скота:			
Волов	2.324	2.305	— 0,8
Коров	19.534	20.091	+ 2,8
Молодняка и телят . .	13.187	16.171	+ 22,6
Всего. . .	35.045	38.567	+ 10,0
Овец и коз	53.663	56.745	+ 5,7
Свиней	8.561	9.105	+ 6,4

По таблице выходит, что прирост коснулся молодняка крупного скота и мелкого—овец и свиней, немного коров. Эта тенденция констатируется всеми другими исследователями, с той только разницей, что % прироста скота определяется в большей пропорции. В самом деле, если допустить, что в 1922 г. был более или менее значительный недоучет благодаря обложению крупного скота, то в 1923 г., когда, кроме крупного рогатого скота, стали облагать и лошадей, этот недоучет должен был бы еще повыситься

Но как бы то ни было—иных цифр у нас нет, а по имеющимся приходится констатировать слабый темп возрождения скотоводства, сравнительно с земледелием, в особенности по отношению к крупному скоту. Это—естественный результат пережитых событий, уничтоживших, главным образом, молодняк крупного скота, от которого зависел саморемонт стада. Теперь, как видно даже из приведенной таблицы, крестьяне стараются сохранить и вырастить дома ремонтный молодняк, но последствия современного прироста молодняка скажутся лишь через 2—3 года, когда он обратится во взрослых лошадей и коров.

Важный для дальнейшего развития скотоводства кормовой вопрос значительно улучшился.

Наличие кормовых продуктов, как выращенных на естественных лугах и пастбищах, так и произведенных на полях или усадьбах—теперь не только относительно, а абсолютно больше, чем до войны. В особенности на юго-востоке, где, вследствие чрезмерной распашки, до войны ощущался крайний недостаток лугов и пастбищ, теперь образовались большие пространства залуженных площадей, которые не все могут пойти под распашку даже в 1928 г. Именно в этом году, в четырех районах земледельческого центра, среднего и нижнего Поволжья и Северного Кавказа посевы, по нашим расчетам, будут менее довоенных на 4,5 милл. дес.

Прибавляя сюда до 2,3 миллионов десятин пара и залеж, получим, что площадь сенокоса и пастбищ будет в 1928 г. в этих районах более площади 1913 г. на 6,8 милл. дес.

Не менее, если не более важно расширение кормовой продукции на полях и усадьбах. На полях, главным образом, на юго-востоке расширились посевы кукурузы и подсолнуха, в 1923 г. на 1,8 милл. дес. более, чем в 1913 г.; жмыхи, так же, как и отруби, прежде на $^3/_4$ вывозившиеся за границу, теперь пока почти все остаются в стране. В усадьбах весьма расширились посевы картофеля—с 400—500 тысяч десятин до 925 тысяч десятин, что дает добавочных до 900 милл. пуд. картофеля, хотя следует отметить, что недобор полевого картофеля должен превышать почти 400 милл. пуд. Потеряно свыше 450 милл. пудов сахарной свекловицы, дававшей после переработки на заводах очень хороший корм.

Наконец, полевое травосеяние сократилось на 1 милл. дес. Но дефицит корнеплодов будет в ближайшее 5-летие покрыт с избытком так же, как и травосеяние, которое должно развиться особенно интенсивно. Для наличного же количества скота сейчас кормовых средств должно быть относительно больше, чем было в 1913—1916 гг., а именно:

	На 1 голову скота в переводе на крупный приходится кормов.		
	В 1913-16 гг.	1922 г.	1923 г.
Луговых и пастбищных кормов	39,9	47,5	43,6
Гуменных	8,3	7,3	8,7
Концентрированных (жмыхов, отрубей и проч.).	4,7	5,2	5,7
Зерновых	10,7	9,7	8,8
Солома	54,6	53,1	58,3

Этот факт позволяет крестьянам сейчас усиленно восстанавливать молодняк крупного и мелк. скота. В дальнейшем, согласно развертывающимся перспективам с.-х. эволюции параллельно с возрастанием скота, будет увеличиваться и количество полевых и усадебных кормов, а обнаруживающийся дефицит должен быть пополнен при помощи луговых мелиораций.

Таким образом, в существующей обстановке реальных возможностей с.-х. эволюции заложены необходимые основы для восстановления утраченной со второй половины XIX века гармонии между развитием земледелия и скотоводством, хотя в силу законов естественного прироста скота, гармония к концу ближайшего пятилетия еще не может быть восстановлена.

ВЫВОДЫ.

Современный уровень состояния сельского хозяйства.

В общем итоге, если мы сравним статистические данные, относящиеся к настоящему моменту, с соответствующими довоенными, то мы должны, к сожалению, констатировать, что в миновавшую эпоху великих потрясений мы потеряли с избытком весь прирост с.-х. производства, какой был приобретен в период под'ема в 1900—13 гг. В этом нас убеждают следующие итоговые цифры:

	1901—5 гг.*)	1923 г.	% 1923 г. к 1901—5 гг. прин. полн. за 100.
Площадь зерновых посевов (в милл дес.).	76,7	62,8	81,9
Валовой сбор зерновых хлебов (в милл. пуд.). . . .	3595	2832	78,8
Посевы волокнистых (в тыс. дес. льна, конопли, хлопка)	2370	1398	59,0
Посевы корнеплодов (картофеля, сахарной свеклы в 100 дес.).	2751	2104	76,5
Общая площадь посевов в милл. дес.	84,9	71,2	83,9

Таким образом, уровень современного земледелия значительно ниже уровня 1901—5 гг.: общая площадь посевов ниже площади 1901—5 гг. на 18%, валовые сборы зерновых культур на 21%, а интенсивных-волокнистых на 41%, корнеплодов на 23%. В этом отношении, чтобы достигнуть довоенного уровня в течение ближайшего пятилетия, необходимо добиться такого темпа развития земледелия, чтобы в течение этих пяти лет пройти путь, сделанный в земледельческой России в течение приблизительно 30 лет довоенной эпохи.

Относительно скотоводства мы не имеем соответствующих данных. Тем не менее и в этом отношении мы, повидимому, отброшены к периоду 1890 г.

К этому надо добавить, что проч. отрасли народного хозяйства—промышленность, внешняя и внутренняя торговля, которые, как мы увидим в следующей главе, развивались и до войны далеко не в соответствии с основной для России—сельско-хозяйственной, теперь пострадали количественно и ухудшились качественно в гораздо большей мере, чем эта последняя.

Если валовая продукция с.-х. производства доходит сейчас почти до 70% довоенной, то продукция индустрии равна всего лишь 40-45% довоенной, притом в крупной промышленности индустрия, базирующаяся на с.-х. сырье, еще более сократилась. То же самое приходится констатировать и в сфере рыночных отношений, которые, помимо общего понижения до 40% довоенных размеров, отличаются чрезвычайно суженным радиусом товарооборота, благодаря чему соотношения цен, во-первых, различных районах России и, во-вторых, во всей России и за границей получают зачастую уродливые очертания. Наконец, высокие накладные расходы, зависящие частью от несовершенств торговой организации, частью от

*) С надбавкой на недоучет посевов и сборов зерновых в 10% в 1901—5 гг. и в 20% в 1923 г.

малой нагрузки и растройства транспорта, не дают возможности развить торговые операции в достаточно широком масштабе и отнимают большую долю прибыли у трудовой крестьянской массы—производителей с.-х. продуктов. Между тем, крестьянская масса сама по себе стихийно устремляется к наивозможно быстрому расширению с.-х. производства, а главное—к развитию рыночной доли с.-х. продукции. Тяга к рынку обусловлена, с одной стороны, стремлением интенсификации, о котором мы говорили выше с другой,—констатированным за последний год поворотом эволюции распределения посевных площадей и скота в сторону более крупных товарных групп крестьянства.

Дальнейший с.-х. процесс, несомненно, в высшей степени связан с темпом и направлением индустриализации России и ростом в ней рыночных отношений; иначе говоря, он зависит от типа и уровня организации всего народного хозяйства СССР в его целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Факторы и условия дальнейшей хозяйственной эволюции.

Предыдущее изложение от начала до конца должно было показать читателю, что для убыстренной и в то же время устойчивой народно—хозяйственной эволюции, необходима прежде всего и больше всего стройная система организации народного хозяйства, гармонично согласованного во всех его отдельных отраслях: как сельского хозяйства, так равно и рынка внешнего и внутреннего, промышленности, транспорта и, наконец, финансовой системы, играющей огромную роль, которой мы не касались, но которая должна быть ясна для всех.

Современная система народного хозяйства СССР такова, что государство, кооперация и другие организованные силы общества могут оказывать на него такое воздействие, какого в государствах с капиталистическим обществом правящая власть нигде не может оказать. В настоящее время промышленность, торговля, транспорт в большей своей части или даже целиком национализированы, и экономическая политика этих отраслей направляется непосредственно сверху центральными органами власти.

Только сельско-хозяйственное производство создается руками 20 миллионов распыленных крестьянских хозяйств, эксплоатирующих вразбродь средства производства: землю, труд, орудия.

Поэтому, организацию самого сельского хозяйства приходится создавать снизу, путем воздействия на труд и самодеятельность крестьянского населения. Однако, та тесная связь, которая должна существовать, если она еще не существует между сельским хозяйством—с одной стороны и промышленностью и рынком—с другой, короче говоря, между городом и деревней, эта связь в конечном счете даетгосударству, организующему у нас рынки и индустрию, могущественное средство воздействия на организацию крестьянского хозяйства сверху.

В самом деле, разберем вкратце способы этого воздействия:

1) Внешний рынок находится у нас целиком в руках государства. Будут ли госорганы, ведающие внешней торгов-

лей, форсировать экспорт зерна-пшеницы и ячменя, ржи, или они постараются всеми средствами развить вывоз от нас льна, пеньки, спирта, сахара, масла, яиц, сушеных овощей и фруктов, мясных и молочных консервов и прочих продуктов интенсивного земледелия и скотоводства,— от этого ведь в сильнейшей мере будет зависеть направление эволюции возрождающегося сельского хозяйства. Конкретно, если, например, с Северного Кавказа заготорганы будут выкачивать только пшеницу и ячмень, там опять, как до войны, разовьется хищническая азартная система зернового полеводства с беспорядочным пестропольем, которая при первой засухе приведет к неурожаям и голодовкам. Если же госорганы и кооперация, видя, что крестьяне сами в этом районе принялись уже за развитие пропашного клина, т.-е. посевов кукурузы и подсолнуха, а, с другой стороны, начали снова разводить свиней и породы крупного мясного скота, пойдут крестьянам навстречу и создадут, с одной стороны, сбыт кукурузы за границу, с другой, маслобойни, крахмально-паточные и, что еще важнее, беконные заводы и мясохладобойни, то ясно, что на Сев. Кавказе укрепится смешанная скотоводческо-земледельческая система сельского хозяйства, в земледелии установится не только пропашной клин, а и травосеяние, и в конце-концов с.-х. эволюция пойдет здесь не менее быстро, но гораздо более устойчиво, чем при хищнической однотонной зерновой системе.

2) Организация внутреннего рынка, который поглощает сейчас не менее 80% всей товарной части с.-х. продукции, имеет для сельского хозяйства еще большее значение. Установленные в предыдущем изложении дефекты внутреннего рынка таковы: крайняя редкость сети торговых предприятий в деревне, слабость их оборотов, предпочтение торговли зерновыми продуктами перед торговлей продуктами интенсивного земледелия и животноводства. Поэтому, если мы хотим итти навстречу тяге крестьян к рынку и интенсификации, мы должны не только повышать всеми способами количественные размеры деревенского торгового оборота, но и качественно воздействовать путем торговли на сельское хозяйство, форсируя товарооборот не только и не столько зерновых продуктов, сколько продуктов интенсивного земледелия, т.-е. корнеплодов, масличных растений, волокнистых, овощей, фруктов и еще более—продуктов животноводства и птицеводства.

3) Усиление рыночности сельского хозяйства, его интенсификация и восстановление необходимого для придания ему устойчивости равновесия между земледелием и животноводством требует больше всего развития сельскохозяйственной индустрии, которая у нас на протя-

жении всего XX столетия находилась в пренебрежении, а если некоторые отрасли ее и развивались, то это развитие при царизме направлялось в сторону поддержки крупного помещичьего, а отнюдь не крестьянского хозяйства.

Планомерное устойчивое развитие сельского хозяйства, а равно и всего народного хозяйства страны требует, во-первых, общего количественного роста индустрии, которая пострадала в эпоху упадка больше сельского хозяйства и должна, во имя принципа равновесия народно-хозяйственного баланса, в ближайшее время достигнуть такого уровня, который бы позволил нации удовлетворять собственными фабрикатами свои основные потребности, не прибегая к импорту их из за границы; во-вторых—согласования индустрии с сельским хозяйством, т-е. правильного развития тех видов сельско-хозяйственной промышленности, которые наиболее содействуют планомерной эволюции сельского хозяйства в сторону интенсификации и под'ема животноводства.

Из всех видов с.-х. индустрии, необходимых для этой цели, у нас более или менее широко развита лишь текстильная, в частности, хлопчато-бумажная. Мы не можем довести льняную и пеньковую промышленность до такого уровня, чтобы она поглощала все сырье, производимое в стране. Но это и не требуется. Достаточно лишь создать механизацию первичной переработки этих волокнистых, дабы дать возможность выгодно экспортировать на широкий внешний рынок наш лен и пеньку, на которые до сих пор за границей сохраняется устойчивый спрос.

Другие виды с.-х. индустрии отнюдь недостаточны. Сахарная промышленность, хотя бы она возродилась почти в довоенных размерах, обслуживает лишь немногие районы, тогда как ряд других, вполне пригодных для свеклосеяния, лишен даже мелких заводов, годных для выработки полуфабриката (утфель). Крахмально-паточное, винокуренное, овоще и фрукто-сушильное и консервное производства совершенно ничтожны. Но самый главный недостаток—почти полное отсутствие крупной мясной и молочной индустрии, так широко поставленных в Сев. Америке, где, благодаря им, укрепился двусторонний тип сельского хозяйства.

Итак, отсутствие или недостаточное развитие ряда наиважнейших отраслей сельско-хоз. индустрии — один из главных дефектов организации нашего народного хозяйства. Необходимо, как можно скорее, исправить этот дефект, частью путем создания крупной сконцентрированной индустрии (главным образом мясной и консервной), но в еще большей степени—средней и мелкой, близкой к крестьянскому хозяйству и к сырьевой базе.

Первичная переработка льна и конопли, маслоделие, маслобойное производство, крахмально-паточное, овоще- и фрукто-сушильное дело и ряд других отраслей, которые должны развиваться, главным образом, через кооперацию и на основе самодеятельности самого крестьянского населения—это наилучший способ форсирования, столь необходимой для планомерной организации сельского хозяйства, его индустриализации Все средства и способы, какие могут быть пущены в ход для этой цели, должны быть использованы: не только государственные и кооперативные, а и самого населения, а также иностранного капитала, в форме концессий. Иностранный капитал пойдет, несомненно, в мясную индустрию и мясохладобойное дело, крупное молочное и яичное, консервное производство; уже сейчас есть со стороны иностранцев предложение восстановить беконные заводы. В других случаях (маслоделие, первичная переработка льна) иностранный капитал окажет содействие в форме кредита. Вообще при достаточном внимании, энергии и настойчивости, сельско-хозяйственная индустрия станет развиваться таким же темпом, как и торговля и прочие отрасли индустрии, получающие поддержку со стороны.

Итак, государство и организованные силы кооперации должны обратить внимание на реальную смычку промышленности и торговли со стихийной эволюцией сельского хозяйства, которая происходит не только в зависимости от них, но и от других факторов, имеющих самодовлеющее значение.

Развитие рынка и индустрии является основным постулатом эволюции сельского хозяйства, но далеко не единственным. В этом состоит отличие сельского хозяйства от индустрии, развитие которой целиком связано с эволюцией рынка. На сельское же хозяйство, несомненно, воздействуют факторы иного порядка, рассмотренные нами в предыдущем изложении. Одним из таких факторов является плотность населения и наличие избыточных рук в деревне. В трудовом крестьянском хозяйстве, в котором сосредоточивается сейчас более 99% всего с.-х. производства республики, кроме рыночных, играют существенную роль потребляющие тенденции. У крестьян—„двойная душа“ и двоякого рода заботы. Крестьяне, с одной стороны, стремятся получить больше денежного дохода от своего хозяйства, с другой—к наивысшему удовлетворению своих натуральных потребностей. После войны и революции крестьяне приобретают стремление к улучшению своего питания, а эта тенденция, которая с под'емом культуры в крестьнской среде будет развиваться и дальше, является также немаловажным фактором эволюции.

Повышение уровня культурности крестьян, констатируемое некоторыми исследователями, выявляется в ряде признаков, характеризующих стремление крестьян к более высокой организации систем сельского хозяйства.

Введение черного пара, развитие травосеяния, переход от трехполья к многополью — все эти и иные признаки с.-х. прогресса, которые раньше были единичными явлениями, превратились сейчас в массовые, доказывая тем самым, что наше крестьянство в смысле агрикультурного развития, уже сдвинулось с мертвой точки. А раз начавшись, массовой с.-х. прогресс не может остановиться, если его не прервут какие-либо внешние катастрофические влияния. Вместе с под'емом агрикультуры, начинают более рационально утилизироваться и наличные запасы рабочих сил и средств производства. Рационализация производства способствует под'ему производительности крестьянского труда. К этому же ведет и четвертый фактор — рост тенденции к правильному землеустройству, который после 10-летнего перерыва начинает наблюдаться у крестьян самых различных районов — как интенсивных, так и экстенсивных. Крестьяне затрачивают свои скудные средства на приглашение землемеров и внутриселенное землеустройство, сознавая, что правильная организация территории в будущем увеличит значительно производительность затрат их труда.

Итак, рынок, улучшение питания, тяга к агрикультуре и землеустройству — вот четыре главных фактора, которые, несомненно, дадут крестьянам возможность в ближайшие же годы не только залечить раны, нанесенные их хозяйству предшествующей эпохой великих потрясений, но и поднять свое хозяйство даже выше довоенного уровня, если громадные запасы потенциальной энергии, скрытые в крестьянской массе, найдут себе производительное назначение.

Утилизировать эту энергию наиболее рационально—вот основная задача современной экономической политики.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ГЛАВА I.

Проблема организации народного хозяйства СССР.

Стр.

Преимущества двустороннего типа народного хозяйства. Значение рынка и индустрии в России. Превращение России в страну двустороннего типа . . . . . 3—10

ГЛАВА II.

Период под'ема сельского и народного хозяйства России до войны (1900—13 г.г.)

Общий рост народного и сельского хозяйства. Эволюция земледелия. Дифференциация районов. Нарушение равновесия между земледелием и скотоводством, как результат неправильной организации индустрии. Выводы: характер и темп с.-х. эволюции. Эволюция прочих отраслей народного хозяйства. Внешний рынок. Внутренняя торговля. Роль рынка в хозяйственной дифференциации районов.

Положение и организующая роль индустрии. Общие выводы. Основные недостатки довоенной организации народного хозяйства . . . . . 11—43

ГЛАВА III.

Эпоха упадка. (1914—21 г.г.)

Падение рынка и индустрии. Убыль и натурализация земледелия. Сокращение скотоводства. Выводы . . . . . 44—52

ГЛАВА IV.

Начало эпохи возрождения. (1922—24 г.г.)

Развитие рыночных отношений. А) Внешний рынок. Б) Внутренний рынок. С.-х. индустрия. Тяга крестьянства к интенсификации. Возрождение земледелия в связи с ростом рынка. Реставрация скотоводства. Выводы—современный уровень организации сельского хозяйства . . . . . 53—82

БИБЛИОТЕКА ... ГРАДСКОГО

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Факторы и условия дальнейшей хозяйственной эволюции. 83